

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

(наименование института полностью)

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

(наименование кафедры)

45.03.01 Филология

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Отечественная филология (русский язык и русская литература)

(направленность (профиль))

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему «Проблемы веры и смысла жизни в творчестве А. П. Чехова»

Студент

В. А. Трошин

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

С. В. Сызранов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Допустить к защите

И.о. завкафедрой

канд. филол. наук, доцент

О.Д. Паршина

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

(личная подпись)

« _____ » _____ 2018 г.

Тольятти 2018

АННОТАЦИЯ

бакалаврской работы

Выпускная работа бакалавра Владислава Анатольевича Трошина выполнена на тему: «Проблемы веры и смысла жизни в творчестве А.П. Чехова». Объект исследования – произведения Чехова, раскрывающие проблематику смыслоутраты и обретения религиозной веры. Предмет исследования – феномен смыслоутраты и проблема обретения религиозной веры в творчестве Чехова.

Цель работы: раскрыть значение проблемы веры и смысла жизни в составе художественной философии Чехова.

Основные решаемые задачи:

1. Исследовать феномен «хмурости» в контексте проблематики смыслоутраты.
2. Раскрыть художественно-философское содержание феноменов «хамелеонства» и «футлярности» в произведениях Чехова.
3. Рассмотреть специфику исследования ложной веры в творчестве писателя.
4. Исследовать закономерности обретения истинной веры героями Чехова.

Актуальность работы определяется непреходящим значением философско-религиозной проблематики чеховского творчества, в исследовании которой остается много неясного.

Основные результаты исследования. Значимость исследования состоит в том, что впервые проблема веры и смысла жизни в творчестве Чехова рассматривается в аспекте художественной антропологии писателя и в тесной связи с христианской традицией. С этой точки зрения выявляется связь с христианским пониманием человека таких феноменов чеховской антропологии, как «хмурость», «хамелеонство», «футлярность». Проблема ложной веры в творчестве писателя также раскрывается в контексте христианского понимания поврежденности человеческой природы. Показано, что условием обретения подлинной веры является в чеховских произведениях катарсис – трагический процесс преодоления ложных установок в сознании человека.

Структура бакалаврской работы включает в себя введение, две главы, заключение, библиографический список, насчитывающий 60 источников.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. СИМПТОМЫ ДУХОВНОГО КРИЗИСА В ИЗОБРАЖЕНИИ ЧЕХОВА.....	7
1.1. Проблема веры и смысла жизни в литературе о Чехове.....	7
1.2. Феномены «хмурости», «хамелеонства», «футлярности» в художественном постижении А.П. Чехова	13
1.3. Проблема ложной веры в произведениях А. П. Чехова.....	22
ГЛАВА 2. ПУТЬ ЧЕХОВСКОГО ГЕРОЯ К ИСТИННОЙ ВЕРЕ	43
2.1. Условия обретения истинной веры в произведениях А. П. Чехова.....	43
2.2. Ценность истинной веры.....	51
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	61
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	62

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика веры и смысла жизни, по признанию многих исследователей, является центральной в творчестве А.П. Чехова. Признавая значение этой проблематики в произведениях писателя, современные Чехову критики не находили в них отчетливо выраженного мирозерцания. Эту точку зрения одним из первых опроверг философ С. Булгаков в публичной лекции «Чехов как мыслитель» (1904). Булгаков показал, что в творчестве Чехова присутствует глубокая постановка вопроса о человеке, имеющая не только философское, но и религиозное значение. В советском литературоведении, по понятным причинам, аргументы и выводы С. Булгакова и других авторов, подходивших к Чехову с тех же позиций (И. Шмелев, Б. Зайцев, М. Курдюмов), попросту игнорировались. Философское содержание чеховского творчества трактовалось в духе некоего общечеловеческого альтруизма и достаточно абстрактного жизнелюбия. В 1990-е годы произошло открытие «*другого* Чехова». Смысл этого открытия точно раскрывает Н.Ю. Грякалова¹. С позиций этого нового понимания мы пытаемся подойти в нашей работе к ряду чеховских произведений, глубоко раскрывающих тему веры и смысла жизни.

Теоретической базой работы являются труды С.Н. Булгакова, М.П. Громова, Н.Ю. Грякаловой, Н.А. Дмитриевой, М.М. Дунаева, И.А. Есаулова, В.Я. Линкова, А.С. Собенникова, И.Н. Сухих, С.В. Сызранова, В.И. Тюпы, А.П. Чудакова и других исследователей.

Предмет нашего исследования: феномен смыслоутраты и проблема обретения религиозной веры в творчестве Чехова.

---

¹«К концу XX столетия изменилось отношение к пониманию проблемы «Чехов и религия». Современные исследования <...>являют образ *другого* Чехова – не одномерного позитивиста и глубокого скептика в вопросах веры, но писателя, укорененного в бытовую православную традицию, размышляющего над тайной религиозного постижения жизни, пытающегося разрешить «великую проблему метафизического и религиозного сознания – загадку о человеке (С.Н. Булгаков)» (Грякалова Н.Ю. А.П. Чехов: поэтис религиозного переживания // Христианство и русская литература. Сб. 4. СПб., 2002. С. 383)

Объект исследования: произведения Чехова, раскрывающие проблематику смыслоутраты и обретения религиозной веры.

Цель работы: раскрыть значение проблемы веры и смысла жизни в составе художественной философии Чехова.

Задачи:

1. Исследовать феномен «хмурости» в контексте проблематики смыслоутраты.
2. Раскрыть художественно-философское содержание феноменов «хамелеонства» и «футлярности» в произведениях Чехова.
3. Рассмотреть специфику исследования ложной веры в творчестве писателя.
4. Исследовать закономерности обретения истинной веры героями Чехова.

Актуальность работы определяется непреходящим значением философско-религиозной проблематики чеховского творчества, в исследовании которой остается много неясного.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Исследование кризисных процессов в русской жизни конца 19 – начала 20 века выдвигает в творчестве Чехова на первый план проблему веры и смысла жизни.
2. Симптомами болезненного состояния духовной сферы человека являются в чеховском изображении феномены «хмурости», «хамелеонства» и «футлярности».
3. Чеховские герои очень часто приходят к ложной вере в результате искажения религиозного сознания.
4. Условием обретения истинной веры в мире Чехова является духовный катарсис.

В работе используются следующие методы: аналитический, сопоставительный, культурно-исторический, герменевтический.

Структура бакалаврской работы включает в себя введение, две главы, заключение, библиографический список, насчитывающий 60 источников.

ГЛАВА 1. СИМПТОМЫ ДУХОВНОГО КРИЗИСА В ИЗОБРАЖЕНИИ ЧЕХОВА

1.1. Проблема веры и смысла жизни в литературе о Чехове

Проблема мировосприятия А.П. Чехова была наиболее острой для современных писателю критиков, которые упрекали его в отсутствии идеалов и целей в творчестве. Яркий пример этого – статья А.М. Скабичевского «Есть ли у Чехова идеалы». В переписке с такими литераторами, как А.С. Суворин, А.И. Плещеев, Д.В. Григорович Антон Павлович часто затрагивал вопрос об идеалах, симпатиях и антипатиях. Писательская позиция, вызывающая порой недоумение не только у критиков, но и у близких людей, зачастую вынуждала Чехова разъяснять написанное.

Авторы исследований творчества Чехова разных временных эпох постоянно обращались к проблеме цели в творчестве писателя, к его авторской позиции. Это подтверждает тот факт, что данные вопросы можно считать ключевыми для понимания художественного мира Чехова.

Едва ли к единственным, кто утверждал, что вся литературная деятельность писателя проникнута общим мировоззрением, был С. Булгаков. В своей публичной лекции «Чехов как мыслитель» он утверждал: «Я держусь того мнения, что духовный капитал, оставленный нам Чеховым в его произведениях, далеко еще не получил надлежащей оценки. Хотя значение Чехова как классика родного слова никем не оспаривается, однако в понимании общего смысла его литературной деятельности существует большая неясность и разногласие...» [Булгаков, 1996, с. 263].

С. Булгаков считал, что к Чехову необходимо подойти с «общечеловеческой стороны»: не только как к художнику, но и как к человеку, «ответственному перед тем же великим и страшным судом совести, одержимому теми же муками, сомнениями и болезнями, что и мы, и лишь особым, ему одному свойственным способом выражающему их в художественных образах» [Булгаков, 1996, с. 263].

По мнению С. Булгакова, Чехов являлся достойным выразителем самых лучших традиций русской литературы, и после Ф. М. Достоевского его можно считать «писателем наибольшего философского значения».

Общее содержание творчества Чехова, согласно С. Булгакову, определяется словами чеховского героя – художника из рассказа «Дом с мезонином», который считал, что призвание каждого человека в духовной деятельности состоит в постоянном поиске правды и смысла жизни.

Удовлетворить это «искание» способны только религия, науки, искусства. А.П. Чехов писал: «Науки и искусства, когда они настоящие, стремятся не к временным, не к частным целям, а к вечному и общему, – они ищут правды, ищут Бога, душу...» [Чехов, 1985, Т. 12, с. 69].

Следовательно, и сам Чехов видел задачу истиной науки и искусства в изыскании истины, божественного начала, души, смысла бытия. В своем письме к Миролубову, написанном в 1901 году Антон Павлович выражал необходимость верить в Бога, а в случае отсутствия этой самой веры одиноко искать ее, оставаясь один на один со своей совестью.

По мнению Булгакова, «произведения Чехова наполнены русским исканием веры, тоской по высшему смыслу жизни, а также ее больной совестью. Большинство сравнительно крупных произведений Чехова и многие мелкие посвящены изображению духовного мира людей, охваченных поисками правды жизни и переживающих муки этого искания...» [Булгаков, 1996, с. 290].

Кроме того, С. Булгаков был одним из немногих, кто утверждал, что религиозность в творчестве Чехова высока. Только ею, по мнению философа, можно объяснить «исключительное внимание», которое писатель оказывал нищим духом людям, духовным калекам, всякого рода неудачникам и т.п.

Антону Павловичу «близка была краеугольная идея христианской морали»: каждая живая душа представляет собой безусловную ценность и имеет право «на милостыню человеческого внимания».

Человек в творчестве Чехова – не божество, и живет он не на Олимпе, а в овраге. Но и там можно верить в «действительную, сверхчеловеческую и всемогущую силу Добра, способную переродить поврежденного и поддержать слабого человека»[Булгаков, 1996, с. 291].

Таким образом, по мнению С. Булгакова, над всей деятельностью А.П. Чехова в области литературы господствовала одна общая идея, тот Бог, который в критическую минуту так и не был найден старым профессором из «Скучной истории» и которого долго не могли распознать у писателя его критики.

К сожалению, советским литературоведением подобная точка зрения на творчество Чехова и его мировоззрение долго не учитывалась и не приветствовалась.

Другой исследователь творчества А. П. Чехова, В. Я. Линков, считал наиболее значимой в произведениях писателя проблему смысла и целостности человеческой жизни. В связи с этим он подробно проанализировал повесть «Скучная история» и назвал «одним из тех наиболее значительных произведений, которые всегда на виду у читателей и исследователей»[Линков, 1995, с.57].

Большое внимание в своей книге Линков уделил всестороннему рассмотрению спорного человеческого понятия «общей идеи». Николай Степанович, по мнению Линкова, сформулировал положительное понятие «общей идеи», исходя из осознания бессмысленности своего существования, а также выяснил, что атрибутом «общей идеи» является «преодоление и ответ на соответствующее отрицательное свойство человеческой жизни, не имеющей смысла» [Линков, 1995, с. 72]. Исследователь считал, что понятие «общей идеи» у Чехова непременно должно включать в себя жизнь и целостность, смысл и радость. Кроме того, «общая идея» должна духовно объединять человека с окружающим миром, это и делает её «Богом живого человека».

Согласно Линкову, для творчества Чехова была актуальная проблема внутренней несвободы человека, отчуждённого от всеобщих начал и переживающего бессмысленность своего существования в этом мире.

О религиозном контексте творчества А. П. Чехова Линков высказывался сдержанно: «Чехов, как известно, был неверующим, но воспринятые с детства христианские этические ценности были ему глубоко органичны. Очевидно, что у него было христианское понимание проблемы человеческого достоинства, столь существенной в его творчестве» [Гречнев, 1990, с. 67].

Вообще, вопрос об атеизме и религиозности Чехова, о его вере и неверии, был, есть и будет самым спорным, животрепещущим и рождающим порой совершенно противоположные мнения и суждения. Один из исследователей творчества Чехова, А. Чудаков, затрагивает проблему «стремительного превращения» писателя из «врача, естественника и атеиста» в «верующего христианина». Стремительность эта настораживает. Отношение Антона Павловича к вере, помимо собственно художественных сочинений, выражается в нескольких текстах. Особую важность, по мнению Чудакова, представляет второе высказывание – это слова в первой записной книжке. Известно, что эту запись Чехов перенес в 1897 году в свой дневник. Таким образом она была изъята из художественного контекста, где, вероятно, могла принадлежать будущему персоналу, но стала выражением собственной мысли писателя: «Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский же человек знает какую-либо одну из этих двух крайностей, середина же между ними не интересует его и потому обыкновенно не знает ничего или очень мало...» [Громов, 1993, с. 187]

Чудаков акцентирует внимание читателя на том, что «вектор направления движения» истинного мудреца Чеховым не дается. Главной ценностью, очевидно, является колоссальность «поля» и его прохождение, а также человек, который взялся за эту сложную задачу. Что касается позиции

самого Чехова по отношению к «полюсам», то по поводу этого Чудаковым было высказано мнение о свободе или «внезаходимости» писателя: «В сознании Чехова антиномически сосуществовали христианские представления о теологии мироустройства и научный антителиологизм» [Громов, 1993, с. 190].

Итак, если верить А. Чудакову, то Чехов – типичный «человек поля», «свободный относительно всяких идеологических границ, не имеющий прямолинейного пути, а разнонаправленно движущийся в пределах «поля» от одного полюса к другому. Данная позиция «человека поля», по мнению исследователя, оказывала несомненное влияние на структуру художественного мира Чехова. Так, например, для него была недопустима бескомпромиссное христианское воззрение, которое привело Достоевского к образу Зосимы. Наоборот, если говорить о персонажах, которым симпатизировал автор, то это неизменно были люди, «отбившиеся от одного берега, но не приставшие к другому» [Громов, 1993, с. 192].

Мнение А. Чудакова – это лишь одно из многочисленных мнений по поводу мировоззрения А.П. Чехова. Оно интересно и в то же время спорно.

Взгляды других советских литературоведов на проблему религиозной веры в творчестве Чехова резко разделялись. В. Камянов в своей книге «Время против безвременья» назвал Чехова «в высшей степени уравновешенным атеистом» [Дунаев, 1993, с. 163]. Исследователь полагал, что Чехова прежде всего интересовал «великий довод» – знак внутренних состояний, которыми он продиктован. Заглядывая за систему доводов, Чехов прослеживал скрытые душевные импульсы, движение жизни в своих персонажах и как раз этой зоркостью был «по-настоящему опасен для ревнителей религиозного благочестия». Уже одно чеховское стремление – быть точным в каждом своём слове – в основе своей атеистично, по мнению В. Камянова. Таким образом, этот литературовед полагал, что в произведениях Чехова не могли отразиться ни «колебания героев на почве веры», ни «борьба веры с ересью». Дунаев пишет: «Чеховский человек всё

острей сознает свою кровную связь с широким миром и отказывается смиренно потуплять очи долу» [Дунаев, 1993, с. 163].

Наряду с этим мнением можно привести совершенно противоположный взгляд на данную проблему другого советского литературоведа, автора биографии А. П. Чехова – Михаила Громова:

«Какое это соблазнительно простое и какое неверное решение вопроса – считать Чехова атеистом» [Громов, 1993, с. 12].

Громов утверждал, что без веры, без духовных ценностей, без боли за ближнего Чехов не мог бы ни жить, ни писать, и это нашло своё отражение в его творчестве.

Таким образом, представители советского литературоведа задумывались над аспектами веры и бытия в творчестве Чехова, высказывая порой самый неожиданно противоположные мнения.

В наши дни всё чаще и чаще говорится о необходимости возврата к истинным духовным ценностям, поэтому творчество А. П. Чехова сегодня следует оценивать с общечеловеческих позиций.

К этому призывал С. Булгаков ещё в начале века, об этом же пишет наш современник М. Дунаев в своей статье, посвященной творчеству А. П. Чехова.

М.М. Дунаев считает, что перед современным литературоведением и соответственно перед методикой преподавания литературы в наши дни стоит важнейшая задача – дополнить и обогатить филологический анализ текста духовным. Ведь лучшая русская литература всегда была «незримой ступенью к Христу» и прямо отражала испытание веры, совершающееся в жизни народа и отдельного человека. В этом смысле творчество Чехова не было исключением: «Напряженный поиск смысла жизни становится основным содержанием бытия и чеховских героев» [Дунаев, 1993, с. 20].

С этим трудно не согласиться. Но в чем же всё-таки истинный смысл жизни в чеховском понимании? Словно отвечая на этот вопрос, М.М. Дунаев цитирует слова героини пьесы «Три сестры» Маши: «Мне кажется, человек

должен быть верующим или искать веры, иначе жизнь его пуста, пуста. Жить и не знать, для чего журавли летят, для чего дети рождаются, для чего звезды на небе...Или знать, для чего живешь, или же все пустяки, трин-трава...» [Дунаев, 1993, с. 20].

Дунаев отметил ступени, по которым «восходит мысль» героини. Эта мысль берет свое начало от элементарного природного явления, а именно полета журавля. Затем она проходит через загадку смысла жизни человека, когда Маша задается вопросом - для чего дети рождаются. В конечном итоге героиня приходит к тайнам мироздания: звезды символизируют Вселенную².

Повесть «В овраге» – это, по мнению Дунаева, пример преодоления подобного «ужасающего пессимизма». Героиня повести прошла через испытание веры, прошел через него и сам Чехов. Только его испытание происходило на «ином уровне обобщения жизненных реалий, в системе иных понятий, чем у бедной Липы» [Дунаев, 1993, с. 20].

1.2. Феномены «хмурости», «хамелеонства», «футлярности» в художественном постижении А.П. Чехова

Возможно, А.С. Пушкин, вложив в уста Сальери ниже представленные слова, положил начало целой серии проникновенных художественных анализов психологии персонажей, утративших ощущение осмысленности земного существования перед лицом «молчащих небес».

Очень важным симптомом смыслоутраты в произведениях А.П. Чехова является феномен «хмурости». Сборник рассказов «Хмурые люди» создавался писателем в 1888 – 1890 годах. Он состоял из десяти

---

² В связи с этим автором статьи совершенно справедливо вспоминаются слова С. Булгакова: «Загадка о человеке в чеховской постановке сможет получить или религиозное разрешение, или... никакого. В первом случае оно прямо приводит к самому центральному догмату христианской религии, во втором – к самому ужасающему и безнадежному пессимизму» [Дунаев, 1993, с. 20].

произведений. Рассказом, открывающим сборник, был «Почта», а финальным произведением стал рассказ «Шампанское». Принципы отбора и циклизации произведений в сборнике «Хмурые люди» являлись случайными или формальными. Единый смысловой настрой, объясняющий и оправдывающий название этой книги, не прост и очевиден, каким кажется на первый взгляд. Характеризуя сборник, Антон Павлович отмечал: «она состоит из специально хмурых, психопатологических очерков и носит хмурое название» [Гречнев, 1990, с. 126].

Д.Н. Овсяннико-Куликовский при анализе сборника сделал следующий вывод: «Сборник, куда вошла «Скучная история», озаглавлен «Хмурые люди», – в нем Чехов изучает не типы, а тот душенный уклад, или тот род самочувствия, который можно назвать хмуростью» [Гречнев, 1990, с. 128].

Чехов проводил исследования «хмурости» в разнообразной душевной среде и в своих работах изучал именно ее, а не людей. Исследовательский подход к отображению человека и окружающего его мира – характерная особенность творчества писателя. Антон Павлович, подробно анализирующий обстоятельства, порождающие «хмурых людей», их психологию, выявил несколько разновидностей этой «хмурости». «Хмурого» человека характеризует неудовлетворённость собственной жизнью, а также критический или и вовсе пессимистический взгляд на свое существование. Существует два типа данных людей. Первый тип включает в себя ранимых, обиженных обстоятельствами или другими людьми, страдающих за себя и за других личностей. Ко второму типу относятся черствые, разочарованные жизнью люди, кто переживает по этой причине. Мир «хмурого» человека лишен радости и окрашен серыми, а то и вовсе черными тонами. Зачастую образ его жизни основывается на бытовом, бездуховном начале.

Чехов ставит в сборнике следующие вопросы: каковы истоки «хмурости», как это явление утверждается и, подчиняя себе человека, начинает управлять его жизнью, как «хмурость» передается другому.

Начало «хмурости», как считает Антон Павлович, лежит в обстоятельствах жизни, в людях, а также в том, что они наследуют из глубины веков. Размышляя на эту тему, Чехов пишет: «Русская жизнь бьёт русского человека так, что мокрого места не остается... В Западной Европе люди погибают от того, что жить и душно, у нас же от того, что жить просторно... Простора так много, что маленькому человеку нет сил ориентироваться...» [Гречнев, 1990, с. 130].

Весь тон сборнику «Хмурые люди» задает уже первый рассказ – «Почта», повествующий о жизни почтальона. Его работа утомляет своей монотонностью и однообразностью. Свои обязанности почтальон выполняет автоматически и, находясь в состоянии хронической угрюмости и раздражительности, не обращает внимания на происходящее вокруг него. «Хмурость» полностью подчинила себе героя рассказа. На лице почтальона «...застыло выражение тупой, угрюмой злобы» [Чехов, 1985, с. 194], он осуждает и презирает все, что его окружает.

«Хмурость» очень быстро передалась и попутчику героя. Студент, в начале являющийся полной противоположностью почтальона, восторгался всему, что видел вокруг. Однако восторженные реплики и вопросы молодого человека были прерваны, и студент потерял ко всему интерес³.

В финале рассказа звучит вопрос, который обращен не то к почтальону, не то к читателю: «На кого он сердился? На людей, на нужду, на осенние ночи?» [Чехов, 1985, с. 196].

Иную природу «хмурости» мы можем наблюдать в рассказе «Володя». Гимназист Володя удручен множеством факторов: предстоящими экзаменами, бедностью, стыдом за свою недалекую мать, зависимостью от богатых родственников. Но мучительнее и ненавистнее всего герою чувство,

---

³ «Холод утра и угрюмости почтальона сообщались мало-помалу и озябшему студенту. Он апатично глядел на природу, ждал солнечного тепла и думал только о том, как должно быть, жутко и противно бедным деревьям и траве переживать холодные ночи. Солнце взошло мутное, заспанное и холодное» [Чехов, 1985, с. 194].

возникшее у него к «голосистой и смешливой барыньке» Нюте. Его влечет к ней, и в то же самое время она неприятна ему. Плотские желания лишают Володю внутренней свободы и пробуждают в юноше животное начало. Когда же свершается «падение» героя, он только на мгновение испытывает блаженство, вскоре сменившееся чувством гадливости.

Всё это создает невыносимую душевную тяжесть, надлом и завершается тем, что юноша совершает самоубийство. Безучастие к человеку и его проблемам, конфликты, связанные с этим, разнообразные причины людского отчуждения и одиночества – вот частые объекты исследования А.П. Чехова. Почтальон, доктор Овчинников, состоятельные благодетели Володи – все они равнодушны к людям, окружающим их. Данную проблему Антон Павлович затрагивает и в рассказе «Спать хочется», в котором маленькая девочка, доведенная безучастием окружающих до абсолютного отчаяния, идет на убийство.

Многие герои сборника «Хмурые люди» являются заложниками собственных профессий, с позиции которых и смотрят на мир. Жизнь «хмурых» людей сводится к профессии, а профессию герои равняют с жизнью. Никола Степанович, герой повести «Скучная история», утверждал, что подобный человек не имеет «общей идеи, или Бога живого человека»⁴.

Повесть «Скучная история» – смысловой и композиционный центр всего сборника. Данное произведение показывает, как узко профессиональный взгляд на жизнь закрывает многие грани души и ума людей. Акцентирующий свое внимание только лишь на профессии человек лишается радости общения с другими людьми, с природой. Несомненно, такой подход помогает герою стать большим ученым, добиться высот в

---

⁴ В.Я. Гречнев пишет: «В свою очередь, современник Антона Павловича, критик Струнин, в рецензии на данное произведение уточнял: «...всякая специализация, в том числе и ученая, умаляет человека, порабощает его случайностями, лишает понимания запросов жизни и, наконец, приводит к грустному сознанию, что жизнь им прожита не так» [Гречнев, 1990, с.134].

профессиональной деятельности. Но и он же не дает ему расти духовно: герой так и остается маленьким человеком.

Как уже говорилось выше, источником «хмурости» в человеке может стать элементарная неустроенность его жизни. Состояние окружающей природы тоже может сделать человека «хмурым». В полной мере эта тема находит свое отражение и в произведении «Шампанское», которое является финальным для сборника «Хмурые люди». В этом рассказе окружающий мир является источником «хмурости» героя. Она же главный «соучастник» в подготовке жизненной катастрофы начальника полустанка. «На меня, уроженца севера, степь действовала как вид заброшенного татарского кладбища. Летом она со своим торжественным покоем наводила на меня унылую грусть, а зимою безукоризненная белизна степи, ее холодная даль, длинные ночи и волчий вой давили меня тяжелым кошмаром» [Чехов, 1985, с. 237].

Несмотря на недостаточность простора, который лишь подчеркивает одиночество и ненужность героя, «маленький человек» дезориентирован в нем. Подобные условия словно уменьшают человека, а окружающие его предметы наоборот увеличивают до исполинских размеров. Это чувство неприкаянности знакомо многим чеховским героям. Как говорит начальник полустанка: «Нет у меня ни приюта, ни близких, ни друзей, ни любимого дела. Ни на что я не способен» [Чехов, 1985, с. 299].

«Хмурые люди» - это люди, у которых нет приюта, близких, друзей, любимого дела. Подобный человек чувствует себя на земле лишь незванным гостем, случайным прохожим и поэтому отказывается что-либо менять в окружающем его мире. Именно поэтому такой человек становится уязвимым, его жизнь напрямую зависит от игры случая, которое именуется роковым

стечением обстоятельств. Если рассматривать финал рассказа «Шампанское» с данной позиции, то все произведение становится символом сборника⁵.

Еще один феномен творчества Чехова, сочетающий в себе факторы того же порядка, получил название «хамелеонство». Для создания комического эффекта в своих ранних произведениях писатель прибегал к обратимости ситуации, что демонстрирует сценка «Кому платить». Данное произведение повествует о двух франтах, каждый из которых желает заплатить за ужин в ресторане. Однако в финале мы узнаем, что они оба оказались неплатежеспособными. Эта сценка демонстрирует важной свойство человеческой природы, присущее многим героям произведений Антона Павловича. Речь идет о переменчивости людской натуры, способности подстраиваться под обстоятельства. Именно это свойство и является основой «хамелеонства».

Слово «хамелеон» впервые появляется в рассказе «Двое в одном», датированном 1883 годом: «Не верьте этим иудам и хамелеонам! В наше время веру потерять легче, чем старую перчатку,— и я потерял!». В данном контексте слово «хамелеон» становится синонимом к слову «иуда» и трактуется как «предатель». Многозначительно звучит и упоминание о потере веры. Эти метаморфозы произошли мгновенно и полностью изменили мировоззрение героя на противоположное.

В рассказе «Сильные ощущения» Антон Павлович впервые изучает внутреннюю природу «хамелеонства». Данное произведение демонстрирует читателю внутреннюю борьбу героини, две противоборствующие силы в душе девушки: «Она задыхалась, сгорала со стыда, не ощущала под собой ног, но то, что толкало ее вперед, было сильнее ее стыда, ее разума и страха...».

---

⁵ «Все полетело к черту верхним концом вниз. Помнится мне страшный, бешеный вихрь, который закружил меня, как пёрышко. Кружил он долго и стер с лица земли и жену, и самую тетю, и мою силу...» [Чехов, 1985, с. 241].

«Хамелеонство», по мнению Чехова, – это проявление некоторого «противоборствующего закона», корнящегося в человеческом естестве. Также не маловажен тот факт, что «хамелеон», являясь аллегорическим образом, в христианской литературе трактуется как «грех»: «Грех – то же, что хамелеон: принимает на себя различные виды, как бы меняет свои цвета и свирепствует между людьми».

Рассказ «За яблочки» (1880) показывает, как отдельный греховный поступок связан с извращенной человеческой волей вообще. В данном произведении «хамелеонство» – это состояние перевернутости, извращенности всего внутреннего строя личности.

В других случаях этот феномен представляет собой манифестацию полного внутреннего распада личности.

Духовные корни «хамелеонства» Антон Павлович раскрывает в рассказе «Студент» (1894), в котором данный феномен представлен в своем высшем архетипическом выражении. Для этого Чехов привлекает эпизод отречения апостола Петра от Господа – традиционный для христианского сознания пример, который наглядно демонстрирует идею поврежденности «естественной человеческой любви».

Эту мысль развивал и Булгаков. В лекции, посвященной памяти писателя, философ высказал мысль, что причиной падения и бессилия личности в художественном мире Чехова является слабость голоса добра в человеческой душе, прирожденная слепота и духовная поврежденность.

В свете подобных антиномий выявляется у Антона Павловича и сущность «футлярности», которая представляет собой многозначное явление. «Футлярность» невозможно свести к социально-психологическим или психопатологическим феноменам.

Уже в ранних произведениях Чехова можно отметить зарождение этого явления. Чрезвычайно продуктивная оппозиция «футляр» – «инструмент» впервые находит отражение в рассказе «Контрабас и флейта», а в произведении «Тина» получает еще большую определенность. С одной

стороны писатель отмечает, что человеческому существу свойственна некая «естественная» оболочка. С.В. Сызранов пишет: «С другой стороны, сама эта «естественность» предстаёт в проблематическом освещении, поскольку оставляет возможность вопроса о вине и выборе там, где для этого нет, казалось бы, никаких оснований» [Сызранов, 1999, с. 56]. Можно сказать, что в данных произведениях «футлярность» раскрывается в тематическом ракурсе философской антропологии.

В рассказе «Роман с контрабасом» тема «человека в футляре» становится символической притчей, не смотря на анекдотическое оформление. Это достигается за счет введения мифологических и библейских аллюзий в текст.

В Книге Бытия можно найти следующий эпизод: Адам и Ева, обнаружив свою наготу, совершили грехопадение, которое повлекло за собой потерю благодати. Лишившись покрова, людская сущность стала доступной действию греха, силы разложения, смертности, страстности, а также подверженности страданию. Так и герои рассказов Антона Павловича оказались во власть сил зла в результате нецеломудренных деяний.

В своих произведениях Чехов нередко прибегает к описанию внезапных приступов экзистенциального удушья. Художественно-философский смысл данных картин выражается в виде образа-формулы «мир в футляре». Не только человек, но и окружающая его действительность заключены в некий футляр. Такое изображение мира в творчестве Антона Павловича обнаруживает связь с христианским учением о поврежденности тварного бытия.

Но Чехову присущ и противоположный взгляд на окружающую действительность: «И тогда в трескотне насекомых, в подозрительных фигурах и курганах, в глубоком небе, в свете луны, в полетах птиц ночных, во всём начинают чудиться торжество молодости и красоты, страстная жажда жизни. Душа откликается суровой, но прекрасной родине. Хочется летать с птицей в ночном небе. И в этой красоте и излишках счастья

чувствуешь тоску, напряжение, как будто степь сознает, что она одинока, что богатство ее и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые, ненужные никому, и сквозь радостный гул слышишь ее тоскливый безнадежный призыв певца!». Эти слова выражают вселенское страдание, но в них также можно уловить и ноты надежды, смешанной с радостью. Данное ощущение сопоставимо со словами апостола Павла, в которых заключается христианское учение о поврежденности природы: «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, – потому что тварь покорилась суете не добровольно, а по воле покорившего ее – в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь стенает совокупно и донныне мучится; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, в себе стенаем, ожидая усыновления и искупления тела нашего» (Римл. 8:19-23).

В связи с этим можно говорить о диалектических сочетаниях резко противоположных усмотрений, с помощью которых переосмысливается тема зла в мире. Так «рабство тлению» и «надежда откровения сынов Божиих» сочетается с «напряжением и тоской» в самом «торжестве красоты и излишке счастья», с «тоскливым и безнадежным призывом в радостном гуле». Подобное слияние оптимизма и пессимизма, специфическое для творчества Чехова, С.Н. Булгаков называл «оптимопессимизмом». Это явление тождественно трагизму в христианском понимании, трагизму экзистенциальному [Сызранов, 1999, с. 101].

Так, «футляр», соотнесенный с библейским символом «кожаных риз», предстает основополагающей категорией художественной философии Антона Павловича, а также определяет образ человека и картины мира в целом.

«Футляр», по мнению Чехова, – универсальный принцип, определяющий бытие в негативном аспекте. Данный принцип заключается в несвободе личности, неподлинности эмпирического состава бытия. И лишь в христианстве можно найти принцип, противоположный «футлярности».

Таким образом, все рассмотренные феномены, раскрывая отрицательный аспект философии человека, восходят к понятию греха – центральному для христианской метафизики. Чехов стремился подробно изучить проблемы «хмурой» жизни, порождающей, в свою очередь, «хмурых» людей. Антон Павлович прекрасно осознавал, что сделать это необходимо, поскольку иначе, скорее всего, человеку невозможно надеяться на жизнь осмысленную и счастливую. Антропологию Чехова можно рассматривать как художественную философию греха. И именно на ней делать акцент при описании «футлярности», «хамелеонства» и «хмурости».

1.3. Проблема ложной веры в произведениях А. П. Чехова

Еще одним симптомом кризисного состояния духовной сферы чеховских героев является феномен ложной веры или лжеверия.

С особой глубиной проблема веры и лжеверия поставлена в рассказе «На пути» (1886). Центральное место в произведении отведено монологу на тему веры, который произносит на постоялом дворе случайной попутчице герой рассказа Григорий Петрович Лихарев. Завтра Рождество, и накануне этого светлого дня в «проезжающей» вымыты полы, наведён порядок и даже создано какое-то подобие уюта, а перед образом Георгия Победоносца теплится лампадка. Одним словом, здесь царят чистота, мир и покой. Эту умиротворенность нарушает лишь вьюга, «бешено», «злобно» и в то же время «глубоко несчастно» ревущая за окном. Такое впечатление, что это даже не вьюга, а нечто другое, называемое Чеховым *оно*⁶.

И, что интересно, огонь, словно охраняя этот недолгий, зыбкий покой «проезжающей» комнаты от чего-то злобного, опасного и в то же время жалкого и подлого. В борьбе огня и этого *оно* есть что-то мистическое: не

---

⁶ «Хлопая дверями, стуча в окна и по крыше, царапая стены, оно то грозило, то умоляло, а то утихало ненадолго и потом с радостным предательским воем врывалось в печную трубу...» [Чехов, 1985, с. 222]

вьюга пытается ворваться в комнату, а что-то неизменное, оскверняющее. Только *оно*, как и всякая нечистая сила, бессильно перед огнём. Лихареву есть, о чём подумать в эту ночь. За спиной у него – пропасть, впереди – неизвестность, а сейчас, в данную минуту – чистая «проезжающая» и непогода за окном. Григорий Петрович никогда не был хозяином своей судьбы. По его выражению, жизнь постоянно проделывала с ним «saltomortale»: «Комедия, ей Богу... Смотрю и глазам своим не верю: ну за каким лешим судьба загнала нас в этот поганый трактир? Что она хотела этим выразить?» [Чехов, 1985, с. 222].

Отношения героя к своей жизни и судьбе очень странно. Словно судьба –против него: он пытается сломить её, а она – его. Словно жизнь хочет что-то доказать ему, а он – ей. Такое вот единоборство, в угаре которого Лихарев не заметил, как приблизился к самому краю пропасти. Итоги его жизни печальны: он одинокий, нищий, бесприютный, жалкий и обреченный человек. И чем больше мы узнаем о герое, тем острее понимаем, что мир убогой «проезжающей» комнаты – это внутренний мир Лихарева, а ревущая вьюга за окном – это его жизнь, и он сам виноват в том, что она сложилась для него именно так, а не иначе.

В эту ночь герой склонен думать, рассуждать, анализировать. Ему нужен искренний и внимательный собеседник, которому можно излить душу. И собеседник, а точнее – собеседница, не заставит себя ждать. Оказывается, Рождество в «проезжающей» комнате суждено будет встретить и госпоже Иловойской Марье Михайловне. Встреча эта очень символична: девушка по имени Мария и бесприютный, брошенный всеми Лихарев. Встречаются «на пути» накануне Рождества Христова. Станет ли это случайное знакомство спасением для Лихарева? Огромный, сильный, интересный и вместе с тем трогательный и глубоко несчастный человек откровенно рассказывает незнакомой девушке о себе и своей жизни. Видимо, он решил излить душу до конца, до последней капли. Разговор их начался с размышления Лихарева о

способности русского человека верить, и это высказывание героя, уже приводившееся в нашей работе, помогает нам понять его⁷.

По мнению С. Булгакова, в этих словах Лихарева ярко отразились искание веры, истины и смысла жизни всей русской интеллигенции, которая, по мнению многих философов, идейна и беспочвенна. Беспочвенность её представителей выражается в отрыве от национальной культуры, от духовных и нравственных устоев предков. Самым страшным следствием такого отрыва является нигилизм, уже несовместимый с какой бы то ни было идейностью. «В нигилизме отрыв становится срывом отчаяния, безверия от невыносимой тяжести взятого на себя бремени: когда идея, висящая в воздухе, уже не поддерживает падающего, уже не питает, не греет и становится, видимо, для всех призраком» [Федотов, 1990, с. 409].

Очень жаль, но эта чаша не миновала Лихарева. Всю свою жизнь он гонялся за «призраками».

«В мою душу природа вложила необыкновенную способность верить...»

Во что и в кого только не верил Лихарев! В своих «бесконечных верованиях и увлечениях» он прошел буквально огни и воды. Где только не пытался он найти смысл жизни и истину: в науках, в учениях нигилистов, славянофилов, народников. Нет смысла называть все «веры» Лихарева, их было слишком много, и в каждой из них он искал ответы на вечные вопросы. Откуда это непостоянство? Может, следующие слова героя хоть немного прояснят ситуацию: «Я вам скажу, нет ничего увлекательнее и грандиознее,

---

⁷ «Я так понимаю, что вера есть способность духа. Она всё равно, что талант: с нею надо родиться. Насколько я могу судить по себе, по тем людям, которых видал на своём веку, по всему тому, что творилось вокруг, эта способность присуща всем русским людям в высочайшей степени. Русская жизнь представляет из себя непрерывный ряд верований и увлечений, а неверия или отрицания она еще, ежели желаете знать и не нюхала. Если русский человек не верит в Бога, то это значит, что он верует во что-нибудь другое...» [Чехов, 1985, с. 223].

ничто так не ошеломляет и захватывает человеческого духа, как начало какой-нибудь науки...» [Чехов, 1985, с. 224].

Хотя герой говорит только о науке, в данном случае мы имеем дело с абсолютизацией начала любой «веры» вообще. Ради того, чтобы пережить ошеломляющее и многообещающее начало, Лихарев не однократно менял предмет своей веры: «Сегодня я верую, падаю ниц, а завтра уже я трусом бегу от сегодняшних моих богов и друзей и молча глотаю подлеца, которого пускают мне в след» [Чехов, 1985, с. 224].

Это жизненное «разнообразие» не проходило для Лихарева бесследно. Вновь и вновь он верил «во что-нибудь другое» так же истово, страстно и фанатично, словно в первый раз. Бросаясь «из огня в полымя», герой совершенно не жалел ни себя, ни близких: «Каждая моя вера гнула меня в дугу, рвала на части моё тело» [Чехов, 1985, с. 224].

В результате этих «saltomortale» Лихарев из состоятельного человека превратился в нищего. В сорок два года он никому не нужен, беспомощен и характеризует себя, как собаку, отставшую ночью от обоза. Сравнение это очень удачно: Лихарев тоже словно «отстал» от чего-то важного, прошедшего мимо. И нищий он не только потому, что в «чаду увлечений он ухлопал и своё состояние, и женино», но еще и потому, что герой нищ духовно. Он жил, но не чувствовал самого процесса жизни. Лихарев, настолько погруженный в это состояние, пропустил самые главные моменты: «Я не помню ни одной весны, не замечал, как любила меня жена, как рождались мои дети...» [Чехов, 1985, с. 225].

То, что для других неприкосновенно и свято: семья, дети, любовь, – почему-то остались жизненно невостребованным для героя. Он искал себе новых и новых идолов, тратил на них свое время, здоровье, надежды, деньги, а рядом с ним страдали его близкие: жена, дети, мать, братья. Лихарев и сам понимал, что приносит несчастье всем, кто любит его. То, что герой принес много горя своим близким, бесспорно. Чехов, желая подчеркнуть «бедоносность» Лихарева, использует прием «говорящей» фамилии, которая

образована от слова «лихо» или «зло». Есть в русском языке ещё и имя прилагательное «лихой». Оно многозначно: с одной стороны, «лихой» – «приносящий беду». Итак, герой рассказа «На пути», в противовес образу Георгия Победоносца на стене, – самый настоящий «Бедоносец»⁸.

Бедная жена Лихарева не выдержала бешеного круговорота его жизни. Он пыталась всюду быть с ним, следовать его убеждениям: «...жена моя не оставляла меня в моих скитаниях ни на минуту и, как флюгер, меняла свою веру параллельно тому, как я меня свои увлечения» [Чехов, 1985, с. 227].

Ранняя смерть жены Лихарева символизирует в рассказе несостоятельность и обреченность его жизненного пути. Герой обречён на страшный конец. Здесь необходимо сказать о том, что словом «лихой», согласно словарю В. Даля, русский народ называл представителей нечистой силы: сатану, чёрта и т.п. Что-то от нечистой силы есть и в Лихареве, например, склонность к святотатству: «... из монашенки я сделал нигилистку, которая, как я потом слышал, стреляла в жандарма...» [Чехов, 1985, с. 227].

А этот бешеный круговорот ложных вер, идолов, учений и истин? Наверное, о таком человеке, как Лихарев, Иисус говорил своим ученикам:

«Нечистый дух после того, как он вышел из человека, скитается по безводным краям, ища покоя и не находит. Тогда говорит он: возвращусь-ка я в дом свой, из которого вышел. И, придя, находит его свободным, убранным и украшенным. И тогда он идёт и берёт с собой семь других духов, более злых, чем он сам, и, войдя в человека, они остаются жить в нём. И становится для того последнее хуже первого». [Евангелие Матфея, 1990, с. 43-45].

---

⁸ «Ни разу в жизни я не солгал и не сделал зла, но нечиста моя совесть! Сударыня, я не могу даже похвастаться, что на моей совести нет ничьей жизни, так как на моих же глазах умерла моя жена, которую я изнурил своей бесшабашностью...» [Чехов, 1985, с. 226]

Лихарев, оторвавшись от корней, ища свою веру и свою истину, постепенно оказался во власти чёрных мистических сил. Одержимость и неразборчивость привели героя к печальному жизненному финалу. И то, что он, бесприютный, накануне великого христианского праздника оказался ночью в пути, у убогой «проезжающей», не случайность, а закономерность. Фактически, герой остался сам с собой.

Есть в рассказе «На пути» очень интересная и важная деталь – это, на первый взгляд случайные и бессистемные картины на стенах «проезжающей». Сначала Чехов называет образ Георгия Победоносца, за ним следуют лубки, изображающие старца Серафима, шаха Наср-Эддина и, наконец, « жирного коричневого младенца, тарасившего глаза и шептавшего что-то на ухо девице с необыкновенно тупым и равнодушным выражением лица» [Чехов, 1985, с. 222]. В своих бесконечных «верованиях и увлечениях» Лихарев прошел путь от светлого «образа», до «пошлого лубка», от самого высокого, до самого низменного. Кстати, его последней «верой» стала вера в женщину, обожествление её как великой страдальицы, «беззаветной, преданной рабы». Очевидно, что потрясенный смертью жены, Лихарев не задумался над своей жизнью, не попытался хоть как-то измениться, а пришел новой «вере».

Да и можно ли остановиться человеку, который стремительно падает в пропасть?

Слабая надежда на это появляется, когда герой знакомится с Иловайской: вдруг эта встреча что-нибудь изменит в жизни обоих? Разговор с Лихаревым произвёл на Иловайскую большое впечатление⁹. Это похоже на искушение, Лихарев очаровал Иловайскую. Ещё какое-то мгновение, и она, подобно его несчастной жене, пойдёт за ним хоть на край света, ведь они

---

⁹ «... несчастный Лихарев и его речи – всё это мешалось, выросло в одно громадное впечатление, и мир Божий казался ей фантастическим, полным чудес и чарующих сил. Всё только что слышанное звучало в её ушах, и жизнь человеческая представлялась ей прекрасной сказкой, в которой нет конца...» [Чехов, 1985, с. 229].

встретились «на пути». Но утром, при свете дня и при звуках рождественских песен, девушке вдруг открылась обреченность Лихарева. В этот момент пути героев разойдутся. Иловайская поедет к своей семье: отцу и брату, а Лихарев проследует до своего последнего жизненного пункта – «угольных шахт одного дурня, некоего генерала Шашковского». До этих «шахт» ещё далеко, но Лихарева не смогут остановить никакая вьюга и никакая отвратительная дорога – он едет в свой последний путь. Шахты – это глубоко под землей – очень далеко от неба и близко к преисподней. Весь жизненный путь Лихарева – это путь к «шахтам». Закончить хочется словами смелого героя: «Природа вложила в русского человека необыкновенную способность верить, испытующий ум и дар мыслительства, но всё это разбивается в прах о беспечность, лень и мечтательное легкомыслие...» [Чехов, 1985, с. 229]. Очевидно он имел в виду себя.

Самым ярким произведением, в котором наиболее отразилась указанная особенность творчества Чехова, является «Скучная история» (1889). Эта повесть привлекает читателей своей загадочностью и неуловимостью смысла. Вопросы начинаются уже с названия. Действительно, зачем писателю понадобилось рассказывать нам скучную историю? Основу произведения составляют рассуждения героя, старого профессора. В своем письме к Плещееву Чехов указывал на то, что самым скучным в повести являются длинные рассуждения героя.

Николай Степанович рассказывает о своей жизни, но едва ли может назвать этим словом существование, которое он по инерции ведет. Дело в том, что старик смертельно болен, и жить ему по собственным подсчетам осталось примерно полгода. Скорее, он не живет, а постоянно ожидает смерти. Профессор ещё преподает, пытается с кем-то общаться, но в сущности он давно уже далек от реальности. Вернее, он смотрит в глаза другой реальности, и она пугает его. Николай Степанович беспомощен перед неизбежно надвигающимся концом. Ему необходимо смириться и ждать, радуясь даже последним мгновениям жизни, но вспомним слова самого

героя: «... если оглянуться назад, то вся моя жизнь представляется мне красивой, талантливо сделанной композицией. Теперь мне остается только не испортить финала. Для этого нужно умереть по-человечески... Но я порчу финал, я утопаю...» [Чехов, 1985, с. 241].

Эти страшные слова мог произнести только человек, для которого смысл жизни безвозвратно утрачен. Именно с такой исходной точки герой отныне смотрит на мир. Почему же «утопает» Николай Степанович? Почему он именно сейчас лишился всякой опоры и равновесия? Почему вся окружающая жизнь утратила для него целостность и стала подобна осколкам разбитого зеркала, которые уже никогда не составишь?

Как мы помним, Николай Степанович всегда был уверен в следующем: «Испуская последний вздох, я всё-таки буду верить, что наука – самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека, что она всегда была и будет высшим проявлением любви и что только ею одною человек победит природу и себя» [Чехов, 1985, с. 120].

Это убеждение на протяжении всей жизни героя было его единственной верой. Но с тех пор, как он заболел, всё оказалось врозь: и во внутреннем, и во внешнем мире. То, что было мировоззрением героя, смыслом его жизни, а также приносило счастье, претерпело серьезные изменения. Даже вера в науку, которую он обожествлял, пошатнулась, оказавшись бессильной перед этими изменениями.

Немаловажно, что в начале «Скучной истории» герой рассказывает о себе в третьем лице, что демонстрирует его разобщение с самим собой. Этот процесс в некоторых исследованиях творчества Чехова получил название «процесс отчуждения имени». «Имя» героя – это воплощение всего, чем он является для других, оно пользуется популярностью. Однако его обладатель – это глубоко несчастный и одинокий человек. «Имя» подчинило себе весь строй жизни героя: «Генеральский чин и известность отняли у меня навсегда и щи, и вкусные пироги, и гуся с яблоками, и леща с кашей. Они же отняли у меня горничную Агашу...» [Чехов, 1985, с. 134].

Вследствие постоянной занятости наукой, Николай Степанович никогда не вникал в бытовые мелочи и семейные отношения. Он лишь подчинялся меняющимся время от времени порядком в его доме. Теперь же, на закате своей жизни, старик с ужасом понял, что семья стала для него чужой. Когда это случилось, и как разрушились живые человеческие связи между героем и домочадцами, как-то незаметно «ускользнуло» от его внимания: «У меня такое чувство, как будто когда-то я жил дома с настоящей семьей, а теперь обедаю в гостях...» [Чехов, 1985, с. 135].

Николаю Степановичу в его положении семейная поддержка была бы просто необходима, но, увы, он терпит полный крах и как семьянин. Правда, остается ещё преподавательская деятельность – любимая работа, которой отдано тридцать лет жизни: «Никакой спорт, никакие развлечения и игры никогда не доставляли мне такого наслаждения, как чтение лекций...» [Чехов, 1985, с. 120].

Но это было раньше. Теперь профессор по инерции ходит в университет: «Теперь на лекциях я испытываю одно только мучение. Мои совесть и ум говорят мне, что самое лучшее, что я мог бы теперь сделать, – это прочесть мальчикам прощальную лекцию, сказать им последнее слово, благословить их и уступить своё место человеку, который моложе и сильнее меня...» [Чехов, 1985, с. 120].

Герою унизительно осознавать, что он уже стар и слаб, что от его преподавательского таланта остались жалкие крохи. Любимая работа больше не радует его.

Отношения с супругой, о которых рассказывает Николай Степанович, не приносят ему ничего нового: «Я не пророк, но заранее знаю, о чём будет речь. Каждое утро одно и то же... Кончается наш разговор всегда одинаково...» [Чехов, 1985, с. 119].

Подобная прозорливость старого профессора проявляется и в общении с дочерью, коллегами, студентом и всем остальным его окружением.

Герой всё время как бы упирается в неподвижность развития человеческих отношений. Так получилось, что всё, чем должен быть силен каждый человек: семейное тепло, дружба, любовь к ближнему, оказывается недоступным для Николая Степановича именно в тот момент, когда ему по сути дела только это и необходимо. Подлинное человеческое банкротство накануне ухода из жизни, старик сам признает себя банкротом. Но речь идет не только о проблемах такого рода.

Вспомним слова С. Булгакова, сказанные об этом произведении: «Я знаю, в мировой литературе мало вещей более потрясающих, нежели эта душевная драма, история религиозного банкротства живой и благородной человеческой души...» [Булгаков, 1996, с.295].

Действительно, истинная причина проблем нашего героя – в бездуховности его прошлой и настоящей жизни. Он пытается скрыться от своих духовных проблем в рассуждениях о студентах, литературе и театре. Эти размышления очень ярко характеризуют «виляние» героя перед самим собой. Старый профессор стыдится своих переживаний, которые ранее были ему не ведомы. Также он подмечает, что болезнь меняет и его самоощущение, до которой герой чувствовал себя «королем». Теперь же он «раб». Николай Степанович пытается определить, какова причина его нового отношения к людям, почему окружающие вызывают у него чувство неприязни. Исключение составляют только два человека: его воспитанница Катя и приятель Михаил Федорович. Но и с ними старик солидарен, только когда они втроём предаются иронии и сарказму. Ирония, переходящая в злословие, помогает нашему герою на короткое время обрести некую иллюзию внутреннего равновесия.

Николай Степанович не в силах бороться с силой, призывающей его к злословию, хотя и понимает, что подобное поведение втягивает его в глубокую пропасть. Мы можем увидеть, как меняется это злословие героя¹⁰.

Спасительный сарказм, переходящий в злословие и даже в глумление, – не случайность, а неизбежное следствие «ложной» веры героя «во что-нибудь», но только не в Бога. Обожествление науки в молодости и в течение всей деятельной жизни привело его к «безнадежному пессимизму» в старости.

В заключительной главе герой признается в бессилии и неспособности бороться с нынешним своим настроением. У Николая Степановича наступает «паралич души, преждевременная смерть». Многие литературоведы, анализируя повесть, отмечали, что данная «смерть» могла стать началом новой жизни, лишенной брюзжания и хитростей героя перед самим собой. Как бы то ни было, именно в этот период Николай Степанович приходит к мыслям об «общей идее»: «И сколько бы я ни думал и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что в моих желаниях нет чего-то главного, чего-то очень важного. В моем пристрастии к науке, в моем желании жить, в этом сидении на чужой кровати и в стремлении познать самого себя, во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо всем, нет чего-то общего, что связывало бы всё это в одно целое. Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях о науке, театре, литературе, учениках и во всех картинках, которые рисует моё воображение, даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей, или Богом живого человека. А коли нет этого, то, значит, нет и ничего» [Чехов, 1985, с. 164].

---

¹⁰ «Темы для разговоров у нас не новы, все те же, что и были зимой. Достается и университету, и студентам, и литературе, и театру; воздух от злословия становится гуще, душнее, и отравляют его своими дыханиями уже не две жабы, как зимою, а целых три» [Чехов, 1985, с. 157].

В этих словах – горечь человека, совершившего непоправимую ошибку. Трудно придумать ситуацию более безнадежную. По сути герой признается в том, что в его жизни никогда не было истинной веры, рано или поздно приходит к печальному результату, т.к. она изначально мертва, и это проявляется в её монотонности и однообразности. Истинная вера вносит в жизнь человека смысл, целостность и гармонию. Если же человеку не ведом смысла жизни, то она сводится для него в разрозненные мгновения. Так получилось, что Николай Степанович на определённом этапе своей жизни занял место истинной веры «шумихой», поэтому так печален его «финал»: серьёзный недуг и страх смерти лишили героя возможности заниматься наукой (единственным, во что он верил), и все жизнеощущения его вскоре изменились, они же породили мысли и чувства, «достойные раба».

И всё-таки, несмотря ни на что, Николай Степанович умирает не «банкротом», а обладателем неземного «сокровища». Завершающая сцена «Скучной истории» позволяет надеяться на это. Чужой город, гостиница становятся символом, поскольку для Николая Степановича весь мир – это всего лишь место временного нахождения. Однако именно здесь смертельно больному, страдающему от тоски и одиночества герою как, будто улыбнулась судьба, послав единственно близкого и любимого человека – приемную дочь Катю. Катя приходит герою сразу после того, как тот осознал, что у него отсутствует «общая идея». Приемная дочь просит Николая Степановича о том, что он дать ей не может, и её мольба остается безответной. Молодая женщина холодно прощается и уходит, не оборачиваясь: «Нет, не оглянулась. Черное платье в последний раз мелькнуло, затихли шаги... Прощай мое сокровище!» [Чехов, 1985, с. 167].

Старик совершенно одинок. Единственный человек, которого герой горячо любит, так и не узнал о приближающейся смерти Николая Степановича. Герой признал свое поражение и оставлен в чужом городе. Однако именно он на наших глазах превращается в обладателя «сокровища»: любви и сострадания к ближнему. И это наполнило его жизнь в одно

мгновение. На наших глазах Николай Степанович прошел путь осознания и переоценки, породивший живую жизнь, поскольку родилось понимание.

Подобно главному герою повести «Скучная история», молодой ученый-философ Коврин – главный герой рассказа «Черный монах» (1893) – тоже склонен к абсолютизации науки и её роли в жизни человека. Содержанием всей жизни Коврина является научная деятельность. Когда его спрашивают, не «прискучило» ли ему заниматься философией, тот ответил: «Напротив, только этим и живу».

В самом начале рассказа герой пребывает в относительной гармонии с окружающим миром. Он приезжает к своим близким, чтобы отдохнуть и поправить здоровье. Чувства, которые он переживает в это время, – самые тёплые, радостные и трогательные. Коврин с удовольствием вспоминает своё прошлое: детство и юность. Настоящее (Песочный, Таня, сад, природа) умиляет его: «Прекрасное настоящее и просыпавшиеся в нем впечатления прошлого сливались вместе; от них в душе было тесно, но хорошо» [Чехов, 1985, с. 189].

Что касается будущего, то оно в этот момент ясно видится Коврину. Он осознаёт, что будущее у него есть, и перспективы научной деятельности и личной жизни не пугают его. Вообще, данный период в жизни Коврина является наиболее благоприятным для него: настоящее, прошлое, будущее, мир природы, человеческие связи и отношения, а также научная деятельность, гармонично сливаясь, составляют некое единство, дающее молодому учёному радость жизни. В это же время мы замечаем кое-что странное и труднообъяснимое в поведении героя. Например: «... он спал так мало, что все удивлялись; если нечаянно уснет днем на полчаса, то уже потом не спит всю ночь, и после такой ночи, как ни в чем не бывало, чувствует себя бодро и весело» [Чехов, 1985, с. 189].

Такого жизненного ритма не выдержит даже самый здоровый организм. Странно, что герой не бережет себя. Также странно отношение героя к музыке: он «с жадностью» слушает её, но в то же самое время

«изнемогает», его тянет в сон. Однажды Коврин, рассказывая Тане легенду о чёрном монахе, недоумевает сам, откуда эта легенда известна ему: «Но удивительнее всего, – засмеялся Коврин, – что я никак не могу вспомнить, откуда попала мне в голову эта легенда. Читал где? Слышал? Или, быть может, чёрный монах снился мне? Клянусь Богом, не помню. Но легенда меня занимает, я сегодня о ней целый день думаю» [Чехов, 1985, с. 191].

Это похоже на навязчивую идею, под влияние которой герой попадает добровольно, почти с удовольствием. И первая встреча Коврина с чёрным монахом – не случайность, а закономерность при сложившихся обстоятельствах. Вспомним, что самому первому появлению чёрного монаха предшествует интересная мысль героя: «И кажется, весь мир смотрит на меня, притаился и ждет, чтобы я понял его» [Чехов, 1985, с. 191].

Мысль смелая, даже дерзкая. Притаившаяся где-то в глубине сознания героя мания величия даёт о себе знать именно в тот момент. Любой человек со здоровой психикой и нормальной самооценкой почувствует это.

В первый раз призрак монаха в чёрной одежде проносится мимо с «ласковой и лукавой» улыбкой. Но и этого уже достаточно Коврину для того, чтобы, вернувшись домой, он предался веселью: «... и все, гости и Таня, находили, что сегодня у него лицо какое-то особенное, лучезарное, вдохновенное, и что он очень интересен» [Чехов, 1985, с. 192].

Веселье героя в данный момент нездорово и ненормально. Это эйфория – состояние обеспеченности, довольства, несоответствующее объективным условиям. Коврин, пребывая в эйфории, прекрасно понимает, что никому нельзя рассказывать о том, что он видел: ему не поверят, сочтут за бред. Он не может поделиться с окружающими своей новой радостью. Немного позже мысль о болезни, психическом нездоровье, приходит ему в голову, но... нисколько не пугает: «Но ведь мне хорошо, и я никому не делаю зла; значит, в моих галлюцинациях нет ничего дурного, – подумал он, и ему опять стало хорошо» [Чехов, 1985, с. 195]. Вторая встреча героя с чёрным монахом происходит после того, как Коврину «удалась роль миротворца». Он не

сделал ничего особенного, просто помирил отца с дочерью, но неслучайно Чехов использует именно это слово. В нём слышны отголоски мании величия героя: миротворец – творец, создатель, абсолют. Вторая встреча с чёрным монахом очень важна для Коврина, т.к. призрак на сей раз беседует с ним. Вообще в легенде о чёрном монахе, которую Коврин рассказывает Тане, улавливаются отголоски евангельского повествования, в частности, рассказов о пребывании Христа в пустыни, о Его хождении по воде, а также мотива второго пришествия. Только в данном случае место светлого образа Иисуса занимает образ черного человека, столь известный в мировой литературе. В речи чёрного монаха встречаются цитаты из Библии. Идеи, которые он внушает Коврину, несут на себе отсвет Священного Писания, но нас не покидает чувство какой-то двойственности в образе чёрного монаха (очень красноречива его улыбка: «ласковая и в то же время лукавая») В своих проповедях монах говорит о «вечной жизни», о проблемах познания и, наконец, об «избранниках Божиих», к числу которых он относит Коврина. «Служители высшем началу», в отличие от «обыкновенных», «стадных» людей, призваны на тысячелетия раньше сопровождать неразумное человечество в «царство вечной правды». Монах призывает Коврина исполнить своё высокое назначение до конца: отдать идее всё: «молодость, силы, здоровье». То есть по сути своей повторить подвиг Христа. О такой стезе Ф. М. Достоевский писал: «... высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего «я» – это как бы уничтожить это «я», отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это высочайшее счастье... Один Христос мог, но Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек» [Достоевский, 1870, с. 172].

Конечно, хорошо стремиться к идеалу. Но Коврин воображает себя чуть ли не мессией и этим, осмелимся сказать, ставит себя наравне с Иисусом Христом. Причём, герой абсолютно равнодушен к земной славе, ему не нужны земные лавры и регалии. Коврин искренне уверен в том, что он

достаточно умён, талантлив и мудр для того, чтобы, подобно Иисусу, повести человечество к спасению. В чудовищность этой мании трудно поверить, т.к. уподобить себя Господу осмелился лишь дьявол.

Чёрный монах – это некая сущность, близкая к дьяволу, которая живет в больном воображении переутомившегося учёного. Дьявол многолик, следовательно, он вполне способен принять облик монаха. И не нужно думать, что он призван пугать людей, его назначение – искушать. Именно поэтому чёрный монах разъясняет Коврину его «высокое назначение». У героя после беседы с призраком словно «открываются глаза», т.к. собеседник всячески помогает ему поверить в собственную «избранность» и исключительность. В то же время чёрный монах является олицетворением самых задушевных мыслей, надежд и стремлений героя. Недаром Коврин говорит, что ему приятно слушать его или что призрак зачастую озвучивает собственные мысли героя. Мания величия Коврина является следствием неудовлетворенной потребности постичь смысл жизни. Однако, чёрный монах решает и эту проблему: «А какая цель вечной жизни? – спросил Коврин.

– Как и всякой жизни – наслаждение. Истинное наслаждение в познании, а вечная жизнь представит бесчисленные неисчерпаемые источники для познания, и в этом смысле сказано: в доме Отца Моего обители многи суть...» [Чехов, 1985, с. 199]. Эти слова чёрного монаха порождают у героя какую-то творческую одержимость, т.к. он уверен в том, что от его усердия зависит скорое наступление «блестящей будущности человечества».

Состояние Коврина после беседы с призраком снова является эйфорическим: «Он пошел назад к дому весёлый и счастливый...» [Чехов, 1985, с. 200]. Немаловажно, что именно в этот момент герой делает Тане предложение, т.к. эйфория духовно «роднит» его с окружающим миром. Дальнейшие события рассказа: приготовления к свадьбе, упоительная работа, встречи и беседы с чёрным монахом являют собой некоторое подобие

гармонии в жизни героя. Но гармония эта построена на иллюзии, на галлюцинации, которая дарит герою смысл жизни, радость и уверенность в себе.

Как нелегко бывает следовать этим заповедям. И тем важнее, что психически нездоровый Коврин был близок к выполнению евангельской мудрости. Уже будучи женатым, он откровенно говорит черному монаху: «Мне кажется странным, что от утра до ночи я испытываю одну только радость, она наполняет меня и заглушает все остальные чувства. Я не знаю, что такое грусть, печаль и скука...» [Чехов, 1985, с. 205].

Сумасшедшего практически невозможно убедить в том, что он психически болен, но Коврин легко соглашается с Таней, и это, по мнению В. Я. Линкова, «есть выражение крайней хрупкости веры человека в свою исключительность и её зависимость от мнения окружающих» [Линков, 1995, с. 69].

Коврина вылечили, и он перестал видеть чёрного монаха, беседовать с ним. Вместе с чёрным человеком из жизни ушла иллюзия обладания истиной, радость.

Если мы оглянемся назад, в прошлое Коврина, то без труда поймем, что слишком много времени и сил героя отдано было работе, научной деятельности, которую подсознательно стимулировала вера в собственную исключительность. Всё остальное – мимоходом, скороговоркой, на бегу. Каждому человеку в равной степени отпущены свыше радость жизни и её мучение. Это – крест, который мы должны нести достойно, без ропота. («Умей нести свой крест и веруй», - слова Нины, героини чеховской пьесы «Чайка»). Для Коврина радость жизни и мучения её в результате ложной веры оказываются разделены пропастью, и эта пропасть в итоге поглощает его душу целиком. А царит в этой пропасти призрак черного монаха – ложное спасение. Победа призрака – это результат отказа Коврина от подлинно духовных поисков. Лишенный же в результате лечения своей галлюцинации, Коврин теряет вкус к жизни вообще. Состояние, в котором он

пребывает после лечения, можно с одной стороны охарактеризовать как депрессивное (угнетенное, подавленное): герой уже не замечает «роскошных цветов», сосны, окружающие его, «угрюмые и немые». Походка у него «вялая», лицо «побледнело». С другой стороны, внезапное падение с высоты «познания», «вечной жизни» в обычное рядовое существование вызывает в нём раздражительность, мелочность, озлобление и даже цинизм. Такого неизбежное следствие ложной веры – приход к безразличию, цинизму и пессимизму: «Зачем вы меня лечили? ... Я сходил с ума, у меня была мания величия, но зато я был весел, бодр и даже счастлив, я был интересен и оригинален. Теперь я стал рассудительнее и солиднее, но зато я такой, как все: я – посредственность, мне скучно жить» [Чехов, 1985, с. 208].

Так получилось, что в этом произведении поступки героя определяются не его характером, а его состоянием, жизнеощущением, которое зависит от отношений с чёрным монахом. В радости от общения с ним Коврин объясняется в любви, женится, с упоением трудится. Утратив общение, герой скучен, недоволен жизнью. Крушение ложной веры для него не спасение, а путь к гибели. Коврин лишается своей веры, и его жизнь становится бесцветной. Видимо, чтобы подчеркнуть эту бесцветность, в рассказе как-то между прочим сообщается о том, что герой «получил самостоятельную кафедру». Теперь нетрудно понять, чем стала для него наука. Мимоходом упоминается в рассказе и о появлении другой женщины в жизни Коврина. Как он к ней относится, автор не говорит. Этим подчеркивается равнодушие героя к окружающей жизни, в том числе и к любви. Из состояния апатии и оцепенения Коврина выводит только письмо от Тани. Он не сразу решается прочесть его. Факт получения этого письма неприятно волнует его. Герой внезапно вспоминает, как был жесток два года назад, несправедлив, как вымещал на своих близких скуку и недовольство собственной жизнью: «Однажды, желая причинить ей боль, он сказал ей, что её отец играл в их романе непривлекательную роль, так как просил его

жениться на ней; Егор Семенович нечаянно подслушал это, вбежал в комнату... Это было безобразно» [Чехов, 1985, с. 212].

Танино письмо, рассказывающее о смерти отца, о гибели сада, письмо, в котором она проклинает его – причину всех своих бед, Ковринмалодушно рвёт и выбрасывает. Им овладевает беспокойство, похожее на страх. Попытки успокоить себя работой ни к чему не приводят – клочки Таниного письма остались на полу. Жизнь настоящая, подлинная прошла мимо Коврина. Позади – многие годы учёбы, работы, болезнь и... разрушенные судьбы близких. И сколько бы он не прогонял от себя мысли об этом, укоры совести настигают его вновь и вновь, а клочки Таниного письма не желают улетать в окно – легкий ветер с моря рассыпает их по подоконнику перед Ковриным, вызывая проявление малодушного страха в душе.

И тем неожиданнее для героя наступление катарсиса. Видимо, страх и невольное сострадание, вызванное письмом, повлекли за собой духовное очищение героя. Последней каплей для этого стал знакомый романс, который Коврин слышал два года назад у Песоцких¹¹.

Радость – это самое естественное чувство в душе человека. Радость и есть сама жизнь, но жизнь, одухотворенная высоким смыслом истинной веры. Вера Коврина – ложная, и поэтому радость посетит его лишь в минуты очищения, которые совпадут с последними мгновениями его жизни. В эти же мгновения герой увидит в последний раз чёрного монаха. В душе Коврина воскреснет всё: огромный сад, любовь к Тане, вера в самого себя, радость от общения с чёрным монахом – всё самое лучшее, что у него было. В последние мгновения жизни «парализованная» душа Коврина оживает, и

---

¹¹ «У Коврина захватило дыхание, и сердце сжалось от грусти, и чудесная, сладкая радость, о которой он уже давно забыл, задрожала в его груди»[Чехов, 1985, с. 214].

перед смертью он зовёт именно Таню, а не находившуюся с ним рядом женщину¹².

В эту минуту Коврину удаётся оставаться спокойным и в то же самое время быть на высоте. При жизни это было для него недостижимо: высота у него сочеталась с «нервностью», а спокойствие с апатией. Видимо поэтому на лице мертвого Коврина застыла блаженная улыбка – свидетельство наивысшего счастья. Возможно, его смерть является приближением «священной гармонии».

Так в чём же заключалась ложная вера магистра Коврина? В абсолютизации таланта. Видимо, герой считал, что только талант способен придать высший духовный смысл человека. Человек, наделённый талантом, является «избранником Божиим». У талантливого человека самое высокое назначение на земле: посредством самоотверженной научной деятельности в ущерб «молодости, силам и здоровью» он способствует приближению «счастливой» будущности человечества». Коврин был искренне убежден, что только гениальные люди живут гармоничной, цельной и радостной жизнью. Удел остальных – прозябание, серое существование в ожидании, когда «избранники Божии» введут их в царство истины. Отсюда и появление у Коврина упоительного желания трудиться (не для себя, не для славы, для других). Жажда учёного самоутвердиться в научной деятельности приобрела какой-то маниакальный характер и вылилась в чудовищную форму – психиатрическое заболевание.

Ложная вера Коврина не могла духовно объединить его даже с близкими людьми, наоборот, свои самые сокровенные убеждения он был не в состоянии разделить ни с кем, т.к. понимал, что вера его основана на галлюцинации, которую видит только он один во всем мире. Его вера сделала героя одиноким в мире людей.

---

¹² «Он звал Таню, звал большой сад с роскошными цветами, обрызганными росой, звал парк, сосны с мохнатыми корнями, ржаное поле, свою чудесную науку, свою молодость, смелость, радость, звал жизнь, которая была так прекрасна» [Чехов, 1985, с. 214].

Ложная вера героя не могла быть сильнее всех внешних жизненных проявлений. Её крушение произошло от одних только Таниных слов: «Ты болен!», и герой с легкостью признал это. Потом были лечение и утрата смысла жизни.

И, наконец, ложная вера Коврина очень коварна, потому что она похожа на истинную веру, дающую человеку радость жизни и гармонию бытия, на веру, ведущую человека к высокой цели. Только вместо веры в Бога у Коврина была вера в себя. К этому он пришел через обожествление своего таланта. Неизбежным следствием такой веры может стать лишь распад человеческой личности, что и случилось с героем рассказа «Черный монах».

Такова проблема ложной веры в творчестве А.П. Чехова. На определенных этапах жизни многие чеховские герои отказывались от подлинных духовных исканий и принимали ложь за истину. Эта ложь действовала на их умы и сердца, отравляя и извращая образ мыслей и сердечные чувства, ведя героев к духовной смерти: к распаду личности, к сарказму и пессимизму. Следует заметить, что для обозначения такого состояния человека в православной психологии используется понятие «прелесть», «прельщение», означающее самообман, духовное заблуждение, принятие душевных состояний за духовные. К такому состоянию и приходят многие чеховские герои, теряющие путь истинной веры.

ГЛАВА 2. ПУТЬ ЧЕХОВСКОГО ГЕРОЯ К ИСТИННОЙ ВЕРЕ

2.1. Условия обретения истинной веры в произведениях А. П. Чехова

В предыдущей главе мы говорили о различных проявлениях и печальных последствиях ложной веры у чеховских героев. Итак, согласно Чехову, ложная вера – это духовный и нравственный тупик, ведущий человека к гибели. Но есть ли путь спасения – выход из этого тупика? Неужели писатель не размышлял об этом? Конечно, он размышлял, искал мучительно и долго («один на один со своею совестью»). Искания истинной веры, истинного смысла жизни чеховских героев – это искания самого писателя.

Есть в творчестве Чехова ряд произведений, герои которых в результате долгих нравственных метаний и ошибок обретают, наконец, истину. Вообще, иллюзии, ошибки, недоразумения неизменно следуют за человеком в произведениях Чехова. Можно выделить некую иерархию ошибок чеховских героев: от комических мелочей, до трагического непонимания того, что жизнь проходит напрасно. Ничто так надёжно не скрывает истину от героев чеховских произведений, как иллюзия владения ею. Чем больше герой уверен в своей правоте, тем неминуемее он совершает жизненные ошибки и тем дороже для него искупление. В связи с этим в первую очередь хочется вспомнить рассказ «Убийство» (1895), герои которого, братья Тереховы, прошли нелегкий путь духовного становления. Род Тереховых во все времена был особо религиозен, «Но быть может, оттого что они жили особняком, как медведи, избегали людей и до всего доходили своим умом, они были склонны к мечтаниям и к колебаниям в вере, и почти каждое поколение веровало как-нибудь особенно...» [Чехов, 1985, с. 15].

Прародительница Тереховых, бабка Авдотья, была староверка, ходила в православную церковь, но новым образом молилась «как старым». Внуки

Авдотьи, отцы братьев Тереховых, «понимали Писание не просто, а все искали в нем скрытого смысла» [Чехов, 1985, с. 15]. И вот, наконец, их потомки Матвей Терехов, по его собственным словам с детства был привержен к «леригии». Неправильное произношение героем слова не столько является следствием его необразованности, сколько следствием искажения истинного смысла понятия «религия», а также истинной сути веры. То, что делал Матвей, можно назвать только «леригией», а его духовное состояние – прелестью. Это было именем Бога, около Бога, но не от Бога.

Ещё ребенком вместе с матерью Матвей ходил на богомолья, пел в церковном хоре, истово молился и соблюдал все посты. Находя церковные запреты недостаточными, герой самостоятельно возлагал на себя разнообразные послушания (следует обратить внимание на некоторое созвучие слов леригия – вериги)¹³.

Постепенно в своей истовости и ревности герой дошел до того, что стал осуждать священников, которые, накладывая на прихожан разные запреты, не утруждали себя их исполнением. Осуждал Матвей и народ в церкви, который, по его мнению, все делал не так: «... и на кого ни погляжу, все пьяницы, скоромники, табачники, блудники, картежники, один только я живу по заповедям...» [Чехов, 1985, с. 11].

Вот она – иллюзия обладания истиной. Следующим шагом героя стал отказ от посещения церкви, «несовершенной и неправильной». Решил Матвей устроить свою церковь. «... подобно падшему ангелу возмечтал я в своей гордыни до невероятия» [Чехов, 1985, с. 11].

И началась настоящая «леригия». В своей собственной молельной Матвей держался устава Афонской горы: многочасовые службы, бдения на ногах, желание не смотря ни на что «быть угоднее монахов». Всё это сделало

---

¹³ «...вставал по ночам и поклоны бил, камни тяжелые таскал с места на место, на снег выходил босиком, ну и вериги тоже» [Чехов, 1985, с. 10]

своё дело: по городу пошли слухи о «святом Матвее». В молельной стало тесно.

«И пошло у нас настоящее столпотворение, бес забрал меня окончательно... Мы все вроде как взбесились...» [Чехов, 1985, с. 11].

Службы в молельной стали напоминать сатанинские оргии: крики, визги, дикие пляски, бред. И неизвестно, до чего дошёл бы Матвей, не вразуми его хозяин фабрики Осип Варламыш. Сумел он своими разумными доводами «пронять» Матвея: «Будь, говорит, обыкновенным человеком, ешь, пей, одеваться и молись, как все, а что сверх обыкновения, то от беса. Верни, говорит, твои от беса, посты твои от беса, молельная твоя от беса; всё, говорит, это гордость» [Чехов, 1985, с. 13].

После этого разговора Матвей заболел. В процессе тяжёлой болезни герой «мучился до чрезвычайности», и это были не только физические мучения, но и нравственные, т.к. Матвей горько «плакал и трепетал». За полгода герой прошел процесс очищения. Когда он вышел из больницы, то сначала «отговелся по-настоящему» и стал «как все»: «И я теперь ем и пью, как все, и молюсь, как все» [Чехов, 1985, с. 13]. После выздоровления Матвей вернулся под родительский кров, где полновластно хозяйничал его брат Яков, тоже, как и Матвей когда-то, находящийся в состоянии прелести: в его доме была молельная комната, где Яков сам проводил все службы. В церковь он не ходил: прихожане его раздражали, а священников он подозревал во всех тяжких грехах. Только свой жизненный путь Яков считал правильным, а веру – истинной. В молельной Якова свято чтился «устав»: «Он читал, пел, кадил и постился не для того, чтобы получить от Бога какие-либо блага, а для порядка. Человек не может жить без веры, и вера должна выражаться правильно, из года в год, изо дня день в известном порядке... Нужно жить, а значит и молиться так, как угодно Богу и поэтому каждый день следует читать и петь только то, что угодно Богу, то есть, что полагается по уставу...» [Чехов, 1985, с. 16].

По сути своей «правильная» вера Якова является прелестью. Герой находится во власти иллюзии, что только ему открылась истина. Доказательством тому, что он принял за истину ложь, станет тяжкое преступление, которое он впоследствии совершит.

Если Матвею в своё время просто «открыли глаза» на сатанинские основы его «веры», то по отношению к Якову эта мера была явно недостаточна. Почти ежедневно приходилось ему выслушивать от брата «нравоучения» – одни и те же слова: «Образумьтесь, братец! Покайтесь, братец! Братец, ваша молитва не угодна Богу. Потому что сказано: прежде смирись с братом твоим!» [Чехов, 1985, с. 17]. Но «смириться с братом своим» Якову было трудно, почти невозможно.

С появлением в доме Матвея что-то пошатнулось в незыблемых нравственных устоях Якова. На его совести были кое-какие грехи, но ему всегда удавалось найти себе оправдание. Матвей своим нежеланием потакать брату, попытками вразумить его, часто выводил Якова из себя: он уже не мог ни спать, ни молиться, ни баюкать свою совесть. И в то же время Яков испытывал определенный комплекс вины, смутно осознавая, что он несправедливо груб и равнодушен к своему нищему и одинокому брату, ведь это не по-христиански. Временами Яков испытывал такой «упадок духа», что ему казалось, «что на голове и на плечах у него сидят бесы» [Чехов, 1985, с. 20].

И в этом нет ничего удивительного, ибо состояние прелести имеет всепроникающий характер действия на ум, сердце и волю человека, что выражается в их ложной ориентации. Человек, подверженный прелести, рано или поздно попадает под влияние демонических сил, а это губительно для живой души. Не миновала такая участь и Якова, который совершил жестокое кровопролитие, убив своего брата. Расправа Якова над Матвеем – это попытка убить в себе совесть или голос Бога.

Уже находясь в тюрьме, Яков, измученный морально, слабый физически, уставший от всего случившегося и от своего страха, «не имел уже никакой веры, ничего не знал и не понимал» [Чехов, 1985, с. 29].

Ему открылась тяжесть совершенного им преступления и неотвратимость наказания. Это стало первым шагом к его духовному исцелению. Уже находясь на каторге, страдая от одиночества, тоскуя по родине, сострадая таким же людям, таким же каторжанам, как и он, Яков Терехов узнал настоящую веру в Бога. Ту самую, которую искал весь его род.

Кто-то получает простую и в тоже время самую истинную веру от рождения. Кому-то, подобно Матвею Терехову, для обретения истинной веры достаточно искреннего слова умного человека. Якову вера досталась предельно дорогой ценой. Чтобы обрести её, герою пришлось пройти через кровопролитие и познать тяжесть наказания. После обретения истинной веры Якову очень хотелось вернуться на родину, в свою губернию и хотя бы одного человека спасти от гибели, как когда-то его самого хотел спасти Матвей. Таким образом, герой рассказа прошёл мучительный путь от состояния прелести к очищению и обретению истинной веры. Жаль только, что это случилось очень поздно, уже после того, как Якова приговорили к пожизненной каторге.

Другое произведение Чехова, рассказ «Студент». С. Булгаков назвал «драгоценнейшим перлом Чеховского творчества, в котором на трёх страницах вмещено огромное содержание» [Булгаков, 1996, с. 222].

Фабульная канва рассказа удивительно проста. Самое главное в нём – это эволюция мироощущения героя.

Студент духовной семинарии Иван Великопольский был на весенней охоте в лесу. Погода сначала была тихая, но вскоре хрупкую гармонию тихого предпасхального вечера нарушило вмешательство стихии зла:

«Но, когда стемнело в лесу, некстати подул с востока холодный пронизывающий ветер, всё смолкло. По лужам протянулись ледяные иглы, и

стало в лесу неуютно, глухо и нелюдимо. Запахло зимой» [Чехов, 1985, с. 262].

Итак, на чаше природных весов перевесили силы зла, мрака и холода. События, о которых повествуется в рассказе, происходят накануне праздника Пасхи, в Страстную Пятницу. В Христово воскресение произойдет победа сил добра, а пока: «... дул жестокий ветер, в самом деле возвращалась зима, и не было похоже, что послезавтра Пасха...» [Чехов, 1985, с. 262].

Стихия зла, не готовая так легко сдаться, совершает последнюю решительную атаку. Что может чувствовать человек, попавший в эту мистическую круговерть? Герой лишен умиротворенности, душевного равновесия, покинувшего его. Студенту стало зябко, неуютно, его охватило мрачное настроение: «Ему казалось, что этот внезапно наступивший холод нарушил во всём порядок и согласие, что самой природе жутко...» [Чехов, 1985, с. 262].

Кроме того, Иван, мучимый голодом, вспомнил, что дома нечего есть, поскольку была Страстная Пятница. Все эти факторы вызвали у героя мрачные мысли о безысходности и бессмысленности бытия: «студент думал, что точно такой же ветер дул при Рюрике, и при Иване Грозном, и при Петре, и что при них была точно такая же лютая бедность, голод, такие же дырявые соломенные крыши, невежество, тоска, мрак, чувство гнёта, – все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдет ещё тысяча лет, жизнь не станет лучше. И ему не хотелось домой» [Чехов, 1985, с. 263].

Трудно представить себе более мрачную картину. А последнее предложение – едва ли не самое ужасное в рассказе. Студенту не хотелось возвращаться домой – в этом можно усмотреть отречение юноши от всех родовых и нравственных устоев, которые закладывались веками. Не идти домой – значит отказаться от семьи, долга, чести, ответственности и, самое главное, от веры. Не идти домой – это самая ужасная форма отступничества.

Как раз в момент отчаяния студент подошел к огородам, где у костра грелись две женщины: Лукерья и Василиса. Приветствие Ивана отразило его

мрачные мысли: «Вот вам и зима пришла назад, – здравствуйте» [Чехов, 1985, с.263]. Сначала Василиса не узнала его, но это не помешало ей приветливо ответить юноше: «Не узнала, Бог с тобой... Богатым быть» [Чехов, 1985, с.263]. Но Иван был непреклонен в своей унынии. Мрачный настрой страстной пятницы, размышления о страдании и отречении соответственным образом привели юношу-семинариста к рассказу евангельской истории о троекратном отречении апостола Петра, с которым Иван подсознательно отождествляет себя. Рассказывая женщинам о Петре, студент пытался понять, неужели жизнь и в самом деле пуста, темна и бессмысленна, если даже ученик, любящий Христа, трижды отрекся от своего учителя девятнадцать веков назад, а он, Иван, фактически сделал это сейчас? После рассказа о том, как Петр, осознав своё предательство, «горько заплакал», юноша, словно специально, сделал паузу, желая продлить моменты горя и раскаяния. Под влиянием этих глубоких чувств, пережитых за какие-то мгновения, у героя произошло духовное преображение, словно он переборол себя, пока рассказывал евангельскую историю. Очень важно, что, рассказав её, студент «вздохнул и задумался». (слово «вздохнул» родственно словам «дух» и «дышать»).

Неожиданная реакция Василисы и Лукерьи на его рассказ весьма удивил Ивана: «Василиса вдруг всхлипнула, слезы, крупные, изобильные, потекли у нее по щекам, и она заслонила лицо рукавом от огня, как бы стыдясь своих слез, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснела, и выражение у нее стало тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает сильную боль...» [Чехов, 1985, с.265]. История о том, что было девятнадцать веков назад, в равной степени потрясла этих двух отличных друг от друга женщин. Евангельские события воспринялись ими как явление вечного настоящего. Василиса и Лукерья восприняли Петра как живого грешного человека, который, несмотря на отречение от Христа, достоин сострадания, являясь близким, которого следует возлюбить как самого себя.

Женщины живут в согласии с учением Христа, даже не осознавая своей высоко нравственности.

Когда же студент продолжил свой путь, то «... опять наступили потемки, и стали зябнуть руки. Дул жестокий ветер, в самом деле возвращалась зима, и не было похоже, что послезавтра Пасха» [Чехов, 1985, с.265].

Однако Иван уже не обращал внимания на физические ощущения. Для него открылась новая сторона жизни, наполненная чудом, осмысленная. Можно сказать, что в герое восторжествовало духовное начало. Он сумел преодолеть в себе безнадежный и безысходный пессимизм.

Иван размышляет о связи между людьми, между разными эпохами, думает о грядущем, которое ожидает человечество. В произведении мы можем увидеть, как эволюционирует данная мысль. На этих размышлениях и базируется рассказ «Студент». Герой мысленно обращался к слезам Василисы, и каждое обращение служило степенью для дальнейшего восхождения мысли: «Теперь студент думал о Василисе: если она заплакала, то всё, происходившее в ту странную ночь с Петром, имеет к ней какое-то отношение...» [Чехов, 1985, с. 265].

«Студент опять подумал, что если Василиса заплакала, а ее дочь смутилась, то, очевидно, то, о чем он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему – к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям. Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра...» [Чехов, 1985, с.265].

Студент, развивая свою мысль, приходит к обобщению: «Прошлое связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой» [Чехов, 1985, с.265].

Иван осознает, что все люди тесно связаны друг с другом. Жизнь кажется герою разумной и осмысленной. Эти мысли возрождают в студенте чувство счастья, наполняя душу радостью: «... и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной смысла»[Чехов, 1985, с.265].

Что же произошло с Иваном Великопольским в Страстную Пятницу? Можно сказать, что он прошёл нелегкий путь от дня распятия Христа к «празднику веры», дню Пасхи. Иван прошёл через испытание и выдержал его: студент обрёл истинную веру и укрепился в ней, несмотря ни на какие внешние жизненные проявления. От духовного кризиса через катарсис герой приходит к понимаю осмысленности жизни. Героя озаряет яркое осознание того, что евангельские события – это не далекое прошлое, а вечное настоящее. Именно оно является главным в жизни человека и на земле в целом.

Итак, чеховские герои обретали истинную веру разными путями: страдая и раскаиваясь, совершая преступление и неся за это наказание, идя от уныния и внезапно духовно преображаясь, как это было с Иваном Великопольским. Через духовный кризис, смыслоутрату к катарсису и переживанию «правды и красоты» в их евангельском содержании – таков путь к вере чеховских героев.

2.2. Ценность истинной веры

Философ Н. А. Бердяев утверждал: «В русской литературе, у великих русских писателей религиозные темы и религиозные мотивы были сильнее, чем в какой-либо литературе мира. Вся наша литература XIX века ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни. Соединение муки о Боге с мукой о человеке делает русскую литературу христианской даже тогда, когда в сознании своём русские писатели отступали от христианской веры» [Дунаев, 1993, с.12].

Но, несмотря на это, в истории отечественной словесности Чехов обладал репутация писателя, который был индифферентен к вопросам веры. И это характерно не только для советского литературоведения.

Причин для столь распространенного заблуждения очень много. Чехов действительно чуждался узкой тенденциозности, однако писатель не мог быть равнодушным к религиозной истине.

Воспитывали Антона Павловича в суровых религиозных рамках, поэтому в юношеские годы он стремился обрести свободу и независимость от прививаемых ему жизненных устоев. Как и многие, будущий писатель не избежал и сомнений, которые в молодости высказывал ясно и открыто. Однако своими зрелыми раздумьями и духовными поисками Чехов не спешил делиться с окружающими.

Одним из немногих, кто утверждал значительную религиозность творчества писателя, был С. Булгаков. По мнению Булгакова, в этом и заключается своеобразие творчества Антона Павловича. Не восторженное любование силой духа становится основным пафосом чеховской прозы, а сострадательная любовь к слабым и грешным. Подобная позиция требует от писателя предельного религиозного напряжения. Однако она может быть опасна, поскольку способна ввергнуть человека в пессимистическое настроение, вселить в него чувство безысходности и разочарования. Под влиянием такого настроения могут также измениться жизненные ценности. Подобное состояние можно считать серьезным испытанием веры, однако именно с помощью него человек может спастись от уныния. В противном случае, обнаружить истинную ценность самой веры невозможно.

Согласно Чехову, истинная вера придает жизни человека целостность, смысл и радость. Жизнь, лишённая истинной веры, мертва. Николай Степанович, герой «Скучной истории», осознал это незадолго до смерти. Идя от открытия и переживания бессмысленности своего существования, он сформулировал положительное понятие «общей идеи» или «Бога живого человека». Что следует понимать под этим выражением?

Вспомним Евангелие: Христос, беседуя с саддукеями, сказал об Отце Своём Небесном: «Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых» (Мф. 22: 32).

Николай Степанович сокрушался по поводу отсутствия в его жизни «общей идеи или Бога живого человека». Он страдал оттого, что в его душе отсутствовала истинная вера в единого и справедливого Бога. Истинная вера даёт человеку уверенность в том, что мир Божий – это его мир. Истинная вера сильнее всех жизненных невзгод: болезней, нищеты, смерти близких. Она помогает человеку сохранить чистоту души, несмотря ни на что. Истинная вера способна выдержать любые испытания, потому что духовный уровень, на котором она находит утверждение, значительно выше уровня рассудочных логических доводов, на которых пребывает безверие.

Именно это утверждает и развивает Чехов в одном из самых, по выражению М. Дунаева, «страшных, самых беспросветных» своих произведений – повести «В овраге», написанной в 1900. Ее главная героиня – молодая девушка Липа. Она не принадлежит к типу «овражных» жителей, ее душа по-детски чиста и невинна. Однако героиня вынуждена существовать в этом мире, который скорее напоминает преисподнюю, чем небо. В нем торжествует несправедливость и ложь, заставляя усомниться и в самом присутствии Бога. «В овраге» царят свои законы: отец, купец Цыбукин, торгует в своей лавке плохим товаром, обманывает и обирает рабочий люд. Его жена, Цыбукина Варвара, только сокрушается: «Уж очень народ обижаем. Сердце моё болит, дружок, обижаем как – и Боже мой! Лошадь ли меняем. Покупаем ли что, работника ли нанимаем – на всём обман. Обман и обман...» [Чехов, 1985, с.354]. Но дальше сетований в семье Цыбукиных дело не идёт. Да и вряд ли за этими словами стоит истинная вера в Бога. Скорее, просто страх, опасение: а вдруг и в самом деле Страшный суд будет?

Старший сын Цыбукина, Анисим, – фальшивомонетчик, не верующий в Бога, резко отрицающий его существование: «Бога – то ведь нет, всё равно нет, мамаша. Чего уж там разбирать!» [Чехов, 1985, с.354].

Только лишь на редкое мгновениеоживает в ком-нибудь из Цыбукиных подобие истинной веры. У того же Анисима этот момент наступает во время венчания его с Липой в церкви. Светлые порывы только ярче оттеняют безверие людей «из оврага». Именно безверие впоследствии станет причиной всех бед и преступлений, совершенных здесь. Так, например, невестка старика Цыбукина, Аксинья, хладнокровно убьёт невинного младенца, и никто её за это не осудит. Мало того, поступок Аксиньи, исходя из внешней логики событий, даже закономерен для обитателей «оврага»: после смерти бедного Никифора всё встанет на свои места, и в семье устранятся всё противоречия, которые возникли на материальной почве.

Если преступление Анисима – фальшивомонетчика оценивать не только с точки зрения закона, но и с простой человеческой правды, то оно будет ничтожным по сравнению с тем, что совершила Аксинья. Но преступление Анисима приведет его на каторгу. Преступление же Аксиньи приносит ей богатство и власть – она станет хозяйкой земли, принадлежащей по завещанию убитому ею мальчику. Зная всё это, можно даже усомниться в существовании Бога, допускающего подобную несправедливость.

Главная героиня произведения, Липа, будто выпадает из логики «овражной жизни», живя вне её с самого начала. Она тоскует, не находя свое место в «овраге». В отличие от всех членов семьи Цыбукиных, у Липы есть истинная вера, соединенная в душе с безграничным восприятием пространства Божьего мира, который, как она считает, является и её миром тоже. У нищей, неграмотной поденщицы в жизни есть целостность, смысл и радость. Внутренняя гармония души героини переходит в гармонию с целым миром, но только не с «оврагом». Выживать в «овраге» Липе помогает её вера:

«– И зачем ты отдала меня сюда, маменька! – проговорила Липа.

– Замуж идти нужно, дочка! Так уж не нами положено.

И чувство безутешной скорби готово было овладеть ими. Но казалось им, кто-то смотрит с высоты неба, из синевы, оттуда, где звезды, видит всё,

что происходит в Уклееве, сторожит. И как ни велико зло, всё же ночь тиха и прекрасна, и всё же в Божьем мире правда есть и будет, такая же тихая и прекрасная, и всё на земле только ждёт, чтобы слиться с правдой, как лунный свет сливается с ночью...» [Чехов, 1985, с.363].

Сразу вспоминается Тютчев. Ночь представлялась поэту отсутствием земного покрова, который заслонял от взглядалюдей необъятность земного Творения. Но в то время, как у Тютчева прикосновение к безграничности мира порождает священный трепет, то чеховской героиней это ощущается как богоприсутствие, в переживании которого она черпает силу для веры и жизни.

Вера выражена в особом «ночном» состоянии души главной героини повести. В ней заключается истинный смысл всего произведения. Ведь именно ночь в скором времени испытает душу и веру Липы. Она будет избрана для такого испытания, потому что не является существом «овражного» мира. Обстоятельства, вопреки её желанию, вовлекают Липу в свой фатальный круг: замужество, к которому она, в сущности ребенок, ещё не готова, муж, которого она просто боится. Даже о её ребеночке Чехов сообщает вскользь¹⁴.

Никифор – это единственная кровная связь Липы с обитателями «оврага». Этот ребеночек несёт в себе наследственные черты Цыбукиных и её, Липы.

А потом Аксинья совершает своё ужасающее злодеяние: «После этого послышался крик, которого еще никогда не слышали в Уклееве, и не верилось, что небольшое, слабое существо, как Липа, может кричать так. И на дворе вдруг стало тихо» [Чехов, 1985, с.369].

И вот Липа с мертвым ребенком на руках возвращается из больницы домой. В это время происходит раскрытие ночного мира над землёй.

---

¹⁴ «А Липа все играла со своим ребенком, который родился у нее перед постом. Это был маленький ребеночек, тощенький, жалкенький, и было странно, что он кричит, смотрит «что его считают человеком и даже, называют Никифором...» [Чехов, 1985, с.364].

Почувствует ли теперь душа нашей героини присутствие Бога в звездном небе после такой несправедливости, после надругательства над её душой – убийства любимого сына?

Одинокая, идет она ночью через поле с мертвым ребенком на руках. Липа больше не кричит так жутко и громко. Героиня даже не плачет. Она только постоянно сбивается с дороги. Очень важно, что героиня теряет платок с головы. В эти минуты она находится в состоянии шока: «сил не хватало», «не было соображения». Но даже сейчас Липа чувствует присутствие Бога под куполом ночи¹⁵.

А тем временем природа вокруг продолжает жить своей неизвестною, таинственной жизнью, и всем безразлична как сама Липа, так и её горе. Лишь смерть маленького Никифора нелепо нарушает всеобщую гармонию: неужели, когда все вокруг наслаждается жизнью, допустима смерть?

Липа знает о доброте и всемогуществе Бога. Героине также известно, что Он способен совершить чудо и воскресить ее Никифора. И Липа искренне верит в это чудо и желает его с силою такой величины, на которую только способна душа девушки. Внутренне героиня уже готова к свершению этого самого чуда.

Липа бредет по пустынному полю, и ей кажется, что она одна в целом мире. Однако ее уединение нарушают возникшие тихий парень и старик со взглядом, полным сострадания. Они сидят у костра и сначала принимаются Липой за святых, с которыми так ждет встречи девушка. Однако видение исчезает, как только гаснет костер. Неужели это то самое чудо? Но вскоре подводы, старик и парень становятся вновь различимы.

«Вы святые?» – задает волнующий ее вопрос Липа. Всё, что произошло с ней, не убило в душе героини светлую веру в правду Небесную. И вот тут-

---

¹⁵ «Она глядела на небо и думала о том, где теперь душа её мальчика: идёт ли следом за ней, или носится там, вверху, около звёзд, и уже не думает о своей матери?» [Чехов, 1985, с.370].

то действительность и приготовила героине жестокий удар: ответ старика, казалось, должен отрезвить: «Нет. Мы из Фирсанова». Чудо не произошло: перед Липой вовсе не святые, а на руках у неё мертвый Никифор. Но вера героини и тут осталась непоколебленной. Липа вовсе не приходит в отчаяние, она только разъясняет свою ошибку старику: «Ты давеча взглянул на меня, а сердце моепомягчело. И парень тихий. Я и подумала: это, должно, святые»[Чехов, 1985, с.371].

Встреча со стариком и парнем была лишь первым испытанием для Липы и ее веры. Девушка ждет чуда, и поэтому искренне верит, что оно случится. Но будет ли вера Липы также сильна, если столкнется с очередным препятствием? На страницах повести Антона Павловича опровергаются слова Великого Инквизитора, который размышляет о связи чуда и веры в Бога¹⁶.

Липой опровержены подобные доводы. Однако мы можем усомниться, не слишком ли это мудро для необразованной и запуганной героини? Но выводы Липы не основаны на рассуждениях, в их основе лежат чувства девушки. Душа героини по-детски чиста, что максимально приближает Липу к первоосновам жизни. Именно поэтому можно считать, что стремление девушки к Истине искреннее и непосредственное.

С. Булгаков в своей лекции «Чехов как мыслитель» отметил, что писатель необыкновенно чуток поэзии религиозного чувства. Также философом было подмечено, что Антон Павлович глубоко и тонко понимал религиозную психологию, в особенности психологию простолюдинов.

---

¹⁶ «Ты понадеялся, что, следуя Тебе, и человек останется с Богом, не нуждаясь в чуде. Но ты не знал, что чуть лишь человек отвергнет чудо, то тотчас отвергнет и Бога, ибо человек ищет не только Бога, сколько чудес... Человек оставаться без чуда не в силах» [Достоевский, 1970, с.295].

Булгаков считал, что в данной области Чехов приближается к Достоевскому, не имеющему равных в этой сфере, и значительно превосходит Толстого.

По сути, вера Липы есть не только вера в какое-то сверхъестественное существо, но и непоколебимость, что всё, что совершает Творец, это высшая Правда и Справедливость.

Однако зачастую люди начинают сомневаться в истинности того, во что они верят. В их душах поселяется смута, которая подвергает веру серьезным испытаниям. Сомнения зарождают вопрос: «Если в мире столько зла, можно ли говорить о существовании Бога?». Этот путь избрал для себя «бунтующий» ум Ивана Карамазова. Но он смотрел на все со стороны, поэтому герою Достоевского было легко негодовать и ужасаться, рассказывая об убийствах и истязаниях детей. Липа же до последней капли испила своё горе – её ребёнка убили очень зло, он не заслужил подобной участи¹⁷.

И вот сейчас идёт она через поле – вечный образ в искусстве: молодая мать с младенцем на руках, только в чеховской повести младенец мертвый. И каково будет разрешение для героини вопроса о справедливости Создателя?

Вера в этой повести утверждается писателем как, несомненно, высшая ценность, доступная только «высшим организациям», которые связаны не только с интеллектуальным развитием, сколько с детской чистотой души. Липа такова, таков и безымянный старик-возчик из Фирсанова. Герои встречаются ночью не случайно. Именно в это время суток происходит испытание веры Липы, за которым наблюдает Бог. Героиня задается вопросом, будто обращается к самому Господу: «И скажи мне, дедушка, зачем маленькому перед смертью мучиться? Когда мучается большой

---

¹⁷ «Мой сыночек весь день мучился, – сказала Липа. – Глядит своими глазочками и молчит, и хочет сказать, не может. Господи Батюшка, Царица Небесная! Я с горя так все и падала на пол...» [Чехов, 1985, с.372].

человек, мужик или женщина, то грехи прощаются, а зачем маленькому, когда у него нет грехов? Зачем?» [Чехов, 1985, с.372].

Страдания невинного младенца выше понимания героини. Липа задает вопрос и ждет на него ответа. И принятый за святого старик отвечает ей вполне бесхитростно, однако в его речи звучит мудрость, данная от Христа: «– А кто же его знает? – ответил старик. Проехали полчаса молча» [Чехов, 1985, с. 372].

Все детали у Чехова не случайны. Вопрос Липы для старика был неожиданным, поэтому получасовое молчание – свидетельство тяжелой духовной работы, совершаемой стариком. Он пытается вникнуть в суть сказанного героиней и, наконец, продолжает вновь свою речь¹⁸.

В речи старика можно найти опровержение уместности вопроса о смысле многого, так как разум человека не может получить доступ к данному смыслу в полном объеме. Люди могут знать только то, что им положено. Далее – область не разума, а веры.

Испытание веры героини завершено. Примет ли она слова старика? Липа возвращается в «овраг». После похорон сына её изгоняют из дома Цыбукиных. Это, как и всё предыдущее, героиня принимает без ропота. Она с благодарностью обращается к тому, что имеет, не страшится Липа и грядущего. При чтении финального эпизода повести создается впечатление, что героиня каким-то чудом вырвалась из преисподней. Девушка вернулась на землю, где душа ее почувствовала облегчение: «Впереди шла Липа и пела тонким голосом, и заливалась, глядя вверх в небо, точно торжествуя и восхищаясь, что день, слава Богу, кончился и можно отдохнуть» [Чехов, 1985, с.377].

---

¹⁸ «Всего знать нельзя, зачем да как», – сказал старик, – «Птице положено не четыре крыла, а два, потому что и на двух летать способна; так и человеку положено знать не всё, а только половину или четверть. Сколько надо ему знать, чтобы прожить, столько и знает» [Чехов, 1985, с.372].

Вновь приближается ночь, и для Липы настает особое время суток. Героиня сильнее всего ощущает присутствие Бога в жизни и торжественно поет небесам. Немаловажно и то, что девушка подает старику Цыбукину, который в свое время со злобой кричал нищим: «Бог подаст!». Теперь эта участь настигла и его, и именно Липа подает старику.

Душа героини прошла через многие скорби и мытарства земные, но ни одного чёрного пятнышка не легло на неё. Такова ценность истинной веры в чеховском понимании. В повести «В овраге» писатель дал самое глубокое раскрытие сущности истинной веры. Она дается душам простым, смиренным, укорененным в соборном народном сознании и опыте. И такая вера сильнее всех жизненных невзгод: болезней, нищеты, смерти близких. Она способна выдержать любые испытания, потому что вера девушки гораздо сильнее, чем рассудочные логические доводы, которые порождают сомнение, вселяя в людей безверие

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы убедились, что Чехов глубоко исследует в своем творчестве религиозный кризис современного ему общества. Феномены «хмурости», «хамелеонства», «футлярности» изображаются писателем как проявления болезненного состояния духовной сферы человека. Феномен «хмурости» связан с понятием смыслоутраты. Ее симптомами в героях Чехова оказываются глубокая неудовлетворенность жизнью, склонность к критицизму и пессимизму, отсутствие «общей идеи», пассивность, зависимость от обстоятельств. Природа «хамелеонства» как резкой переменчивости внутренних состояний человека связана у Чехова с христианским пониманием радикальной поврежденности человеческого существа грехопадением. К концепции грехопадения восходит в чеховском изображении и природа «футлярности». Сознание героя закрыто как бы некоей уродующей оболочкой, «скорлупой», «футляром». Герой оказывается как бы отчужден от самого себя и мучительно томится в поисках выхода из этого «футлярного» существования. Таким «футляром» для чеховского героя может являться и ложная вера. Освобождение от этого «футлярного» состояния дается через большие страдания, через глубокий духовный кризис, ведущий к катарсису. Изживание всякого рода «футлярных» состояний является в художественном мире Чехова важнейшим условием обретения истинной веры. Другим столь же важным условием такого обретения является возвращение к соборному духовному опыту народа. Только подлинная религиозная вера, как показывает писатель, дает человеку переживание осмысленности и полноты жизни.

Духовный потенциал творчества А. П. Чехова ещё предстоит оценить многим поколениям читателей и исследователей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамович, С.Д. Концепция личности у Чехова-повествователя в контексте идейно-эстетических исканий русского реализма: автореф. дис. д-ра, филол. наук /АН Укр. ин-т лит.им. Т.Г. Шевченко.– Киев, 1992. –50 с.
2. Бердников, Г.П. А.П. Чехов. Идейные и творческие искания [Текст] / Г.П. Бердников. – М.: Художественная литература, 1984 г. – 511 с.
3. Булгаков С.Н. Чехов как мыслитель [Текст] / С.Н. Булгаков // Путешествие к Чехову. – М.: Школа Пресс, 1996 г. – С. 590 – 622.
4. Валиева, Г.М. Рефлексия как основа образотворчества в системе чеховской прозы: автореф. дис. канд. филол. наук. С.-По., 1992. – 18 с.
5. Варнава епископ. Основы искусства святости: в 4 т. – Нижний Новгород, 1995. – Т. 1. – 472 с.
6. Вейдле, В.В. Умирание искусства [Текст] / В.В. Вейдле. – СПб.:АХИОМА, 1996. – 336 с.
7. Выготский, Л.С. Психология искусства [Текст] / Л.С. Выготский. – М.: Искусство, 1987. – 573 с.
8. Вышеславцев, Б.П. Этика преображенного Эроса [Текст] / Б.П. Вышеславцев. – М.: Республика, 1994. – 368 с.
9. Гаспаров, М.Л. Антиномичность поэтики русского модернизма [Текст] / М.Л. Гаспаров // Избранные статьи. – М., 1995. – С. 286 - 304.
10. Гвардини, Р. Конец нового времени [Текст] / Р. Гвардини // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 127 - 164.
11. Гегель. Эстетика: в 4 т. – М., 1971. – Т. 3. – 622 с.
12. Генон, Р. Кризис современного мира [Текст] / Р. Генон. – М.: Арктогея, 1991. – 160 с.
13. Гиршман, М.М. Гармония и дисгармония в слове и в мире ("Студент" А.П. Чехова) [Текст] / М.М. Гиршман // Литературное произведение. Теория и практика анализа. – М., 1991. – С. 136 -155.

14. Гитович, Н.И. Летопись жизни и творчества А.П. Чехова [Текст] / Н.И. Гитович. – М., 1955. – 880 с.
15. Глушков, С.В. Чехов в эпоху реформ (По материалам прессы 1885 – 1895) [Текст] / С.В. Глушков // Чеховские чтения в Ялте: Чехов и XX в. – М., 1997. – С. 80 - 89.
16. Грякалова, Н.Ю. А.П. Чехов: поэзия религиозного переживания [Текст] / Н.Ю. Грякалова // Христианство и русская литература. Сб. 4. – СПб.: Наука, 2002. - С. 383 – 418.
17. Грачева, И.В. Сборник "В сумерках" [Текст] / И.В. Грачева // Сборники А.П. Чехова. Межвузовский сборник / Отв. ред. А.Б. Муратов. – Л.: ЛГУ, 1990. С. 49 - 62.
18. Гречнев, В.Я. Сборник «Хмурые люди» [Текст] / В.Я. Гречнев // Сборники А.П. Чехова: межвузовский сборник / отв. ред. А.Б. Муратов – Л.: ЛГУ, 1990 г. – С. 83 – 97.
19. Громов, М.П. Чехов [Текст] / М.П. Громов. – М.: Молодая гвардия, 1993. – 395 с.
20. Гурвич И.А. Проза А.П. Чехова: человек и действительность [Текст] / И.А. Гурвич. – М.: Худож. литература, 1970. – 183 с.
21. Давыдов, Ю.В. Этика любви и метафизика своеволия. Проблемы нравственной философии [Текст] / Ю.В. Давыдов. – М.: Молодая гвардия, 1989 г. – 286 с.
22. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа [Текст] / Н.Я. Данилевский. – М.: Благословение, 1991. – 574 с.
23. Делокаров, К.Х. Мировоззренческие основания современной цивилизации и её глобальный кризис [Текст] / К.Х. Делокаров // Общественные науки. – 1994. – С. 89 - 98.
24. Джексон, Р.-Л. Время и путешествие: метафора для всех времен. «Степь. История одной поездки» [Текст] / Р.-Л. Джексон // Чеховиана. Чехов в культуре XX в. – М.: Наука, 1993. – С. 8 – 16.

25. Джексон, Р.-Л. Чехов и Пруст постановка проблемы [Текст] / Р.-Л. Джексон // Чеховиана. Чехов и Франция. М.: Наука, 1992. – С. 129 - 140.
26. Дмитриева, Н.А. Долговечность Чехова [Текст] / Н.А. Дмитриева // Чеховиана. – М.: Наука, 1990. – С. 19 - 40.
27. Долгополов, Л.К. На рубеже веков [Текст] / Л.К. Долгополов. – Л.: Сов. писатель, 1985. – 352 с.
28. Долженков, П.Н. Тема страха перед жизнью в прозе Чехова [Текст] / П.Н. Долженков // Чеховиана. Мелиховские труды и дни. – М.: Наука, 1995. – С. 66 - 70.
29. Долженков, П.Н. Чехов и позитивизм [Текст] / П.Н. Долженков. – М.: Диалог - МГУ, 1998. – 205 с.
30. Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы [Текст] / Ф.М. Достоевский. – Л.: Художественная литература, 1970. – 528 с.
31. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. / Под ред. В.Г. Базанова – Л.: Наука, 1980. – т. 20 – 432 с.
32. Драгомирецкая, Н.В. Автор и герой в русской литературе XIX-XX вв [Текст] / Н.В. Драгомирецкая. – М.: Наука, 1991. – 382 с.
33. Дунаев, М.М. А.П. Чехов [Текст] / М.М. Дунаев // Православие и русская литература. – М.: Богословский вестник, 1998 – С. 527 - 704.
34. Дунаев, М.М. Испытание веры: О религиозном постижении смысла жизни в творчестве А.П. Чехова [Текст] / М.М. Дунаев. – М.: Богословский вестник, 1993. – №1.
35. Есаулов, Н.А. Категория сборности в русской литературе [Текст] / Н.А. Есаулов. – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1995. – 288 с.
36. Жилиякова, Э.М. Последний псалом А.П. Чехова ("Архиерей") [Текст] / Э.М. Жилиякова // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX вв. – Петрозаводск, 1994. – С. 274 - 284.
37. Зайцев, Б.К. Чехов [Текст] / Б.К. Зайцев // Далекое. – М., 1992. – С. 277 -394.

38. Зеньковский, В.В. История русской философии: в 2 т. – М.,1991. Т. 1 - Ч. 2 – 280 с.
39. Зоркая, Н.М. Чехов и «Серебряный век»: некоторые оппозиции [Текст] / Н.М. Зоркая // Чеховиана. Чехов и «Серебряный век». – М.: Наука, 1996. – С. 5-14.
40. Камянов, В.И. Время против безвременья. Чехов и современность[Текст] / В.И. Камянов. – М.: Сов.писатель, 1989. – 378 с.
41. Линков, В.Я. Скептицизм и вера Чехова[Текст] / В.Я. Линков. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 79 с.
42. Линков, В.Я. Художественный мир прозы Чехова[Текст] / В.Я. Линков. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 128 с.
43. Ожегов, С.И. Словарь русского языка[Текст] / С.И. Ожегов. – М.: Гос. изд. Иностранных и национальных словарей, 1963. –1200 с.
44. Пушкин, А.С. Драматургия. Проза[Текст] / А.С. Пушкин. – М.: Правда, 1981. – 624 с.
45. Полоцкая, Э.А. А.П. Чехов. Движение чеховской мысли[Текст] / Э.А. Полоцкая. – М.: Просвещение, 1979. – 340 с.
46. Степанов, Ю.С. Моральный кодекс Чехова[Текст]/ Ю.С. Степанов. – М.: Литература,1998. – №9.
47. Собенников, А. С. Между «есть Бог» и «нет Бога»... (О религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова) [Текст] / А.С. Собенников. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1997. – 386.
48. Сухих, И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова [Текст] // И.Н. Сухих. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987. – 280 с.
49. Сухих, И.Н. Повторяющиеся мотивы в творчестве А.П. Чехова [Текст] / И.Н. Сухих // Чеховиана. Чехов в культуре XX века. – М.: Наука, С. 138 – 148.
50. Сызранов, С.В. Психологический тип чеховского героя в свете православного учения о прелести [Текст] / С.В. Сызранов // Традиции. Культура. Образование. Научный сборник. – М., 1996.

51. Сызранов, С.В. Кризисное состояние мира в художественном остмыслиении А.П. Чехова[Текст] / С.В. Сызранов. Дисс. канд. филол. наук. 10.01.01. – М., 1999. – 163 с.
52. Трунин, А. «Чёрный монах»: сто лет спустя[Текст] / А. Трунин. – М.: Литература в школе, 1997. – № 2. – С. 124-127.
53. Тюпа, В.И. Художественность чеховского рассказа[Текст] / В.И. Тюпа. – М.: Высш. шк., 1989. – 239 с.
54. Федотов, Г.П. Трагедия интеллигенции [Текст] / Г.П. Федотов// О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – С. 404-410.
55. Харитонова, О.Н. Надо воздвигать свой сад [Текст] / О.Н. Харитонова. – М.: Литература в школе. – 1997. – №2. – С. 115-124.
56. Харитонова, О.Н. Философская новелла А. П. Чехова «Студент» на уроке литературы в X классе [Текст] / О.Н. Харитонова. – М.: Литература в школе. – 1993. – №6. – С. 50-54.
57. Черкезова, М.В. Библейские мотивы в русской литературе [Текст] / М.В. Черкезова. – М.: Литература в школе. – 1997. – №2.
58. Чехов, А. П. Собрание сочинений. В 12 т. [Текст] / А.П. Чехов. – М.: Художественная литература, 1985.
59. Чудаков, А.П. «Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит громадное поле...». Чехов и вера [Текст] /А.П. Чудаков. – Новый мир. – 1996. – №9. – С. 186-192.
60. Чудаков, А.П. Мир Чехова[Текст] / А.П. Чудаков. – М.: Просвещение, 1986. – 379 с.
61. Шах-Азизова, Т.К. В творческой лаборатории А.П. Чехова [Текст] / Т.К. Шах-Азизова. – М.: Наука, 1974. – 368 с.